

ЛИТ-муз-ЖИВ-драм-КУЛЬТ -секс ФЕЕРИЯ

БЕШЕНАЯ СОБАКА

С. Волошина-Андрийчук
И. Ильязов, Н. Проковьев

ИСКУССТВА

18+

**Искандер Сабитович Ильязов
Николай Сергеевич Прокофьев
Светлана Сергеевна Волошина-
Андрейчук
Бешеная собака искусства**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66484378
SelfPub; 2021*

Аннотация

Книга «Бешеная собака искусства» посвящена возникшему в начале XX века творческому методу абстракции. В книге увлекательно рассказывается о главных положениях теории В.В. Кандинского, основоположника абстракционизма, а также приводятся примеры творческого прочтения абстрактных картин известного современного художника-абстракциониста Искана Ильязова. Внимание книги собрано вокруг новой по драматургической форме биографическо-философской пьесы. Сборник включает материалы драматургии, живописи, эссе. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Неумозаключительное эссе	6
Поэт и писатель Н. Прокофьев	7
Вступительное слово	9
Искания Искана	10
Режиссёр и актриса С. Волошина- Андрейчук	38
От старой-старой сказки к современной драматургии	40
Бешеная собака искусства	42
Художник-абстракционист Искан Ильязов	44
Вступление к арт-инсценировке Светланы Волошиной-Андрейчук и Искандера Ильязова (по мотивам книги В. В. Кандинского «Точка и линия на плоскости»)	46
«БЕШЕНАЯ СОБАКА ИСКУССТВА»	
Геометрическая абстракция в истории искусства	48
Бешеная Собака Искусства	50
Слово режиссёра Светланы Волошиной- Андрейчук	52
Экзерсисы	55
Аксиомы	62
Фотогалерея авторов комментариев арт-	71

инсценировки «Бешеная собака искусства»	
Бешеная собака искусства	75
Пролог	80
Пролог	82
Акт I	85
Сцена 1. Мироздание. Модель	87
Акт II	95
Сцена 2. Мастеская. Муляж	97
Акт III	109
Сцена 3. Мастерская. Мур Руж	111
Антракт	121
Акт IV	123
Сцена 4. Метафизика. Музыка. Монако	125
Акт V	137
Сцена 5. Мысль. Методика. Мастерство	139
Эпилог	146
Эпилог. Музей. Мечта. Мантра	148
Заключительное	158
По следам «Бродячей собаки...»	159
Живописные картины (композиции) художника- абстракциониста Искандера Ильязова (ИСКАНА)	167
Список композиций Искана Ильязова	169

Светлана Волошина-

Андрейчук,

Искандер Ильязов,

Николай Прокофьев

Бешеная собака искусства

АБСТРАКТНОЕ ИСКУССТВО ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ:

Драматургия (*пьеса*) – «БЕШЕНАЯ СОБАКА ИСКУССТВА»

Живопись (*картины*) – АБСТРАКТНЫЕ КОМПОЗИЦИИ

Эссе (*художественная критика*) – «НЕУМОЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЭССЕ»

«В ИСКУССТВЕ НАДО БЫТЬ И СВЯТЫМ, И БЕШЕНОЙ СОБАКОЙ»

Эмиль Антуан Бурдель

**Неумозаключительное эссе
Фантазия на тему абстракционизма
Николая Прокофьева
(вступительное и заключительное
слово в сборнике)**

Поэт и писатель Н. Прокофьев

ПРОКОФЬЕВ Николай Сергеевич

Литературный работник, редактор.

Автор поэтических сборников, песенных текстов, произведений прозы и драматургии.

Член Союза писателей России.

Сотрудник Издательства «ЭКМО».

Вступительное слово Неумозаключительное Эссе (Часть 1)

Коллаж «Детские СНЫ под ЗОНТОМ Оле-Лукойе» (по композициям ИСКАНА)

Искания Искана

Много ли нужно человеку для счастья? А художнику? Вопросы, на первый взгляд, риторические. Ответить на них либо невозможно, либо делать это нужно с очень глубоким знанием дела, то есть, при близком знакомстве с самим человеком, художником.

Однако, есть один очень верный способ познать глубину удовлетворения художника самим собой, что, на мой взгляд, и есть определение счастья, во всяком случае, счастья творца. Ведь чем ближе задумка и конечный результат, тем точнее и желаннее цель творческого поиска, а, значит, тем выше удовлетворение конечным произведением. И вот оно – счастье. Пусть даже временное, пусть только до следующего акта созидания.

Что же это значит? А то, что практически все о художнике могут сказать его картины. Без привлечения его самого, что называется, с полной чистотой эксперимента. Абстрагируясь от ученых трактатов высоколобых специалистов – кри-

тиков и искусствоведов, не взирая на прессу и пересуды в кулуарах. Без всяких pro и contra. Не верите? Что ж, предлагаю убедиться в правоте моих суждений, заглянув на самый настоящий вернисаж художника-абстракциониста Искандера Ильязова.

Широко известный в России и за рубежом, Искандер был и остается певцом чистого искусства. Даже несмотря на то, что избрал для себя не самый популярный его вид – цветовую абстракцию. Мы не знаем, как долго он шел к этому выбору, но то, что выбор этот был правильным, вполне очевидно, ибо то, что мы видим в его работах, не просто привлекает внимание, как нечто заманчивое и необычное, эти картины заставляют задумываться и даже сопереживать. А это значит, что искания Искандера продвигались по верному пути.

Хотя почему «продвигались»? Почему в прошедшем времени? Настоящий художник не перестает искать себя всю жизнь. Просто изначально он четко определяет для себя возможные границы, берега, которые в одном случае дают ему возможность пристать и перевести дух, в другом – служат очевидным ориентиром в широком пространстве современного искусства.

Так что же такое «счастье» применительно к творчеству Искандера? Только ли его бесконечные искания (не отсюда ли

такой звучный псевдоним самого художника?), что можно сказать, глядя на его в хорошем смысле художества? Даже чисто интуитивное восприятие непосвященного зрителя говорит о том, что перед ним что-то весьма значительно. Но что? И как определить степень этой непостижимости? Точного ответа нет и не будет. Видимо, все дело здесь во внутреннем человеческом коде, некоем пароле, соединяющем мир Вселенной и внутренний мир самого человека. Зритель видит и понимает, а высшие силы, как могут, трактуют для него увиденное доступным смертному языком.

Абстрактное искусство – наивно-великое направление, поскольку включает в себе практически весь диапазон изобразительного творчества. Наивное – потому что, на первый взгляд, выглядит нелепым и непонятным для «всезнающего» зрителя. Тому, постигшему, как ему кажется, все законы самовыражения, видятся эти квадраты и линии не больше, чем хаосом. А, между тем, это огромный мир – внешний и внутренний, сокрытый в самой человеческой душе. Не случайно Господь в Евангелии неоднократно призывает каждого человека уподобиться ребенку. Будьте «как дети» (Мф. 18: 3), «ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10: 14). Художник-абстракционист просто следует этой заповеди, и оттого на фоне «всезнаек», пренебрегающих древними наставлениями, выглядит не как все. Но в этом-то и есть его величие. Неизвестно, сколько понадобится сил и времени про-

стому «знатоку» от искусства достигнуть тех вершин понимания, которые уже подвластны абстракционисту.

Картины Искана в этом смысле – наглядный тому пример. Удивительно, как может взрослый, прошедший серьезную жизненную школу человек мыслить и видеть так чисто и по-детски ясно. Вот уж где действительно скрывается настоящий ребенок! Если выстроить самые известные его картины в один ряд, то получится длинный, очень интересный, наполненный волшебством и приключениями, радостный детский сон.

Словно добрый сказочник Оле-Лукойе открывает над нами свой разноцветный зонтик, и мир моментально преобразуется, а сон на какое-то время становится явью, так похорошему наивный художник Искан раскрывает перед нами свои видения. И начинается увлекательное путешествие.

Наверное, это счастье, что невозможно одному человеку с присущим только ему восприятием окружающего мира передать, а точнее, пересказать увиденное во сне. Нужно иметь особую лексику, свой специальный язык, чтобы собеседник понял и проникся теми же чувствами и переживаниями, которые испытываешь ты. У каждого свой сон.

Что самое интересное и увлекательное для ребенка в раннюю и чистую пору его жизни? Впечатление. Явление. Волшебство. Иными словами – цирк! Пусть не спорят со мной

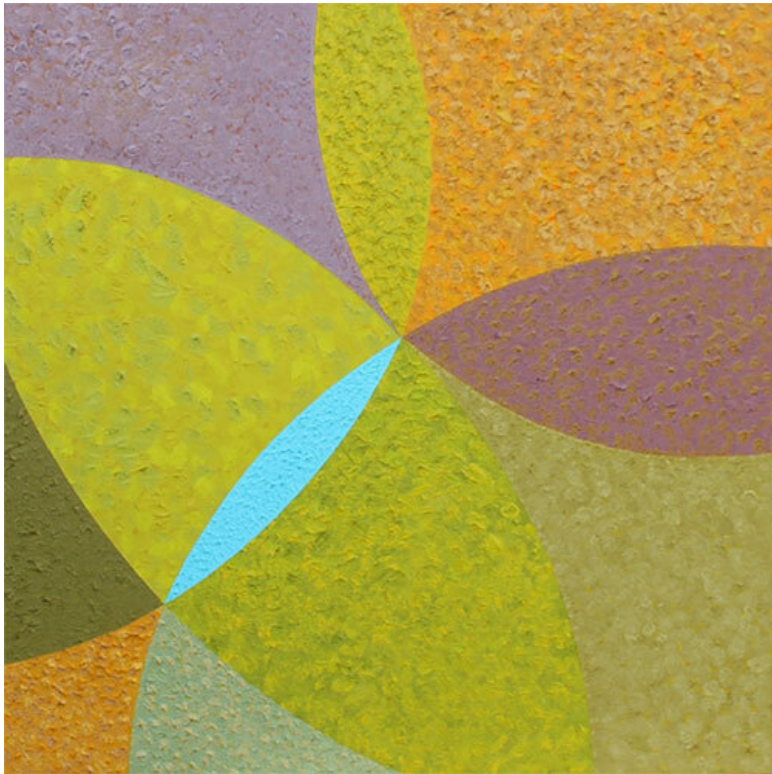
сторонники раннего развития и приверженцы разного рода цифровых технологий, все это будет для малыша потом. А сейчас – только радость и беззаботность с яркими красками и веселыми друзьями.

ИСКАН. Композиция № 140 MGU Clinic 100×70 belt compr

ИСКАН. Композиция № 116 ту 50×50 blue Center yellow

*ИСКАН. Композиция № 186 100×100 past 1turk 2orange
2brown greens*

Возможно, именно так рассуждал художник, выводя на свет свои шедевры. Я думаю, что не ошибаюсь, видя в картинах **(186, 116, 140)** воплощение сказочного неповторимого циркового аттракциона. Разве не купол – картина **(148)**?

А (318) – не острый луч, выхватывающий из закулисы динамичный фрагмент выступления?

Эти два самобытных мира – мир ребенка и мир художника – объединяет одно великое свойство души – фантазия.

ИСКАН. Композиция № 318 Vertic 80 × 60 red arrow on greens

ИСКАН. Композиция № 148 60×60 ty 3reds 3yellows 3oranges

Но сон, к счастью, на этом не заканчивается. Волшеб-

ство не имеет временных границ, оно не подвластно жесткой хронологии материального, вечно спешащего мира. Добряк Оле-Лукойе только посмеивается над скучными торопыгами, а над друзьями, понимающими его волшебный язык, открывает новый свой зонтик.

И вот мы уже за пределами искрометного шатра. А здесь новый мир – мир непрерывной сказки. Пришедшая из глубины веков, она снова и снова увлекает нас своей мудростью и добротой.

Катится по блюдечку наливное яблочко (172), размывает перед нами сонную явь, зовет в далекое путешествие. Мимо родного плетня (319), к берегу реки, где живет сказочная щука, добывшая для Ивана вожделенную кашееву иглу (121).

Добрый сказочник-живописец, толкователь снов и непревзойденный гид, не сомневается, что в этой сказке все, как и положено, закончится добром.

ИСКАН. Композиция № 172 30×40 golden apple

ИСКАН. Композиция № 319 70×120 copper

А нам надо идти дальше. Увлекателен и многообразен мир художника Искана. Все потому что сам он – человек с широкой душой, много знающий и много понимающий про нашу жизнь. И то, что удастся передать через картины, – всего лишь отблеск и отзвук его переживаний и впечатлений.

ИСКАН. Композиция № 121 80×70 red-black arrow on yellow v green

Мир, увиденный его глазами, на время становится не про-

сто пейзажем или натюрмортом, он в буквальном смысле преобразается: понятное и обыденное становится прекрасным и неузнаваемым, скучное – веселым, серое – радостным и солнечным. К слову, именно солнце, его теплый свет преобладает на картинах Искана. И это не случайно – человек проецирует на мир то, что излучает его душа. А если так, то душа нашего художника – светлая, сказочная душа, сотканная из светлых мыслей и добрых чувств.

Говоря о мире художника, я имею в виду не только его внутреннее содержание, его душевный багаж чувств и красок. Я говорю и о самом настоящем мире – о пространстве, обозначенном границами и омываемом океанами. И все это, опять же, глядя на эти удивительные полотна. Искан, несомненно, повидал мир. Вот на его картине щит европейского рыцаря (247).

А откуда ему взяться в нашем сне, если бы автор не видел его в жизни? И это так: Искан долгое время жил и работал во Франции, он знает эту культуру изнутри. Вот вам и беспредметное искусство – абстракция. Есть о чем поспорить.

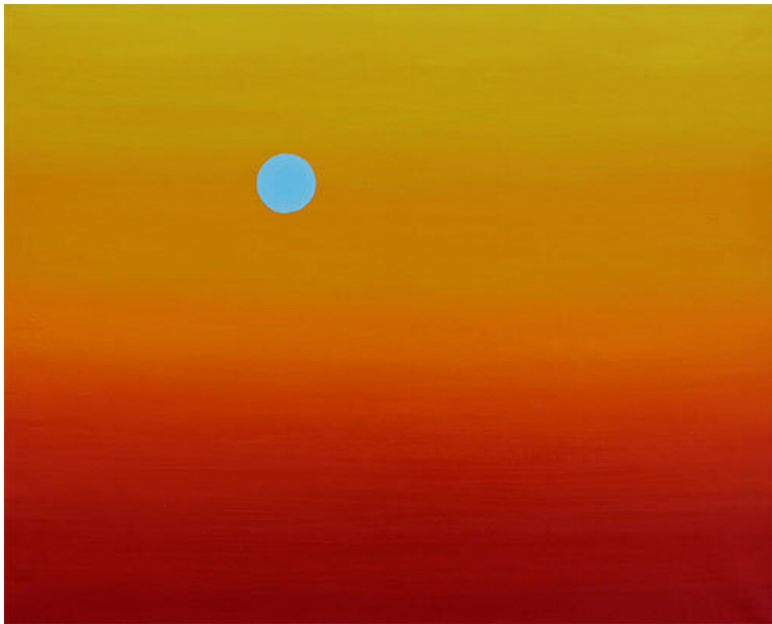

ИСКАН. Композиция № 247 100×120 vase

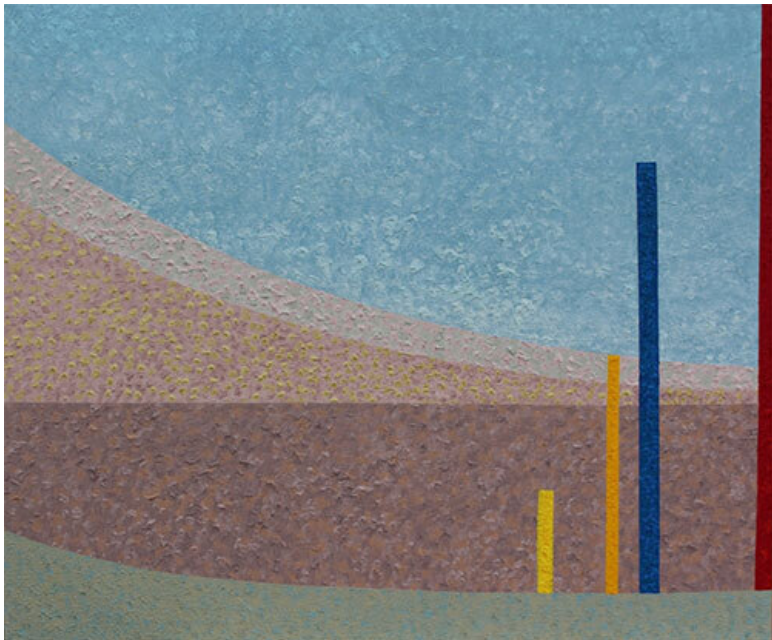
А вот узнаваемые африканские пейзажи и пирамиды (169 и 238). А это – перспектива уходящего вдаль побережья (178). Что это – еще один плод фантазии или творческий отчет об увиденном наяву? Давайте оставим этот вопрос без ответа, пусть в нашем сне хотя бы на время поселится загадка.

ИСКАН. Композиция № 169 100×120 violets + straight lines

*ИСКАН. Композиция № 238 80×100 l-blue sun red-yellow
sunset*

ИСКАН. Композиция № 178 100×110 seascape 4verticals

Ах, как же не хочется просыпаться. Особенно в детстве. Но мы тешим себя надеждой, что, проснувшись, не расстанемся с увиденным чудом. Не случайно же в начале разговора мы назвали абстрактную живопись наивно-великим искусством. Пора наивности показать свое величие.

Детское подобие Богу не может оставить равнодушным никого из взрослых. Следуя нашему сказочному настрою-

нию, под «взрослыми» следует понимать людей серьезных, так же как Искан, причастных к миру искусства. И такой синтез случился.

Истинное искусство всегда привлекает к себе внимание. Его описывают, его пытаются понять, им восхищаются, его ругают. Но в нашем случае его еще и ставят на сцене. Случай уникальный: два равновеликих явления, театр и живопись, сошлись на одних подмостках, чтобы дополнить друг друга, рассказать друг о друге такое, что не сразу понятно обычному глазу. Случилось это в стенах Библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, а режиссером-постановщиком оригинального спектакля выступила Светлана Волошина-Андрийчук, замечательный человек и театральный деятель.

Именно работы Искана Ильязова вдохновили этого тонкого и очень требовательного режиссера. А это значит, что, несмотря на кажущуюся наивность и простоту, есть в них что-то настоящее, волнующее душу, о чем хочется не только рассказать, но и показать современному думающему зрителю. На одну из ролей в этом спектакле приглашен сам Искан, наверное, до недавнего времени и не подозревавший, что его искания зайдут так далеко. В его жизни было, кажется, все: выставки, призы, почет и звания, а вот театральной постановки его картин не было. Ну что ж, возможно, мы присутствуем при рождении еще одного волшебства.

Так много ли нужно человеку для счастья? Художнику – возможность творить и показывать свои работы людям. Критику – искать в этих работах доселе неведомое. Режиссеру – ставить спектакли и заряжаться энергией от благодарной публики. Всем творцам – иметь возможность полноценно самовыражаться.

Но при этом каждому человеку необходимо оставаться внутри себя ребенком, способными воспринимать мир таким, каким его задумал Создатель. И тогда наши души и помыслы будут открыты для новых книг, уникальных спектаклей, необычных картин и многообещающих исканий...

*Николай Прокофьев,
литературный редактор, писатель, поэт, член
московской городской организации Союза писателей РФ*

Пёстрый Зонт Оле-Лукойе

(ВОЛШЕБСТВО – рис. 1, рис. 2)

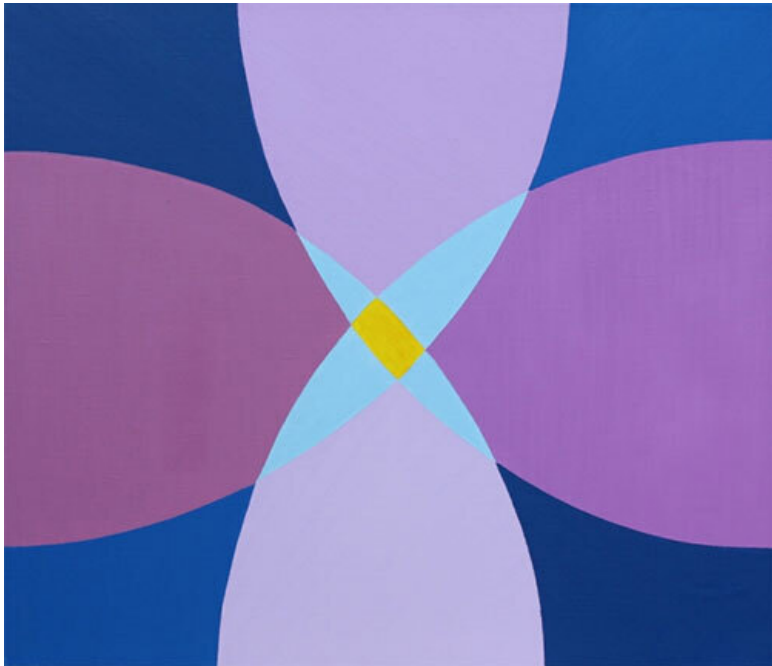

(по композициям ИСКАНА)

ИСКАН. Композиция № 161 50x70 greens lylacs lyr abstr

*ИСКАН. Композиция № 260 GONE 60×70 ту 4blue 4violet
4mic turq 1yellow*

Сказочные картинки

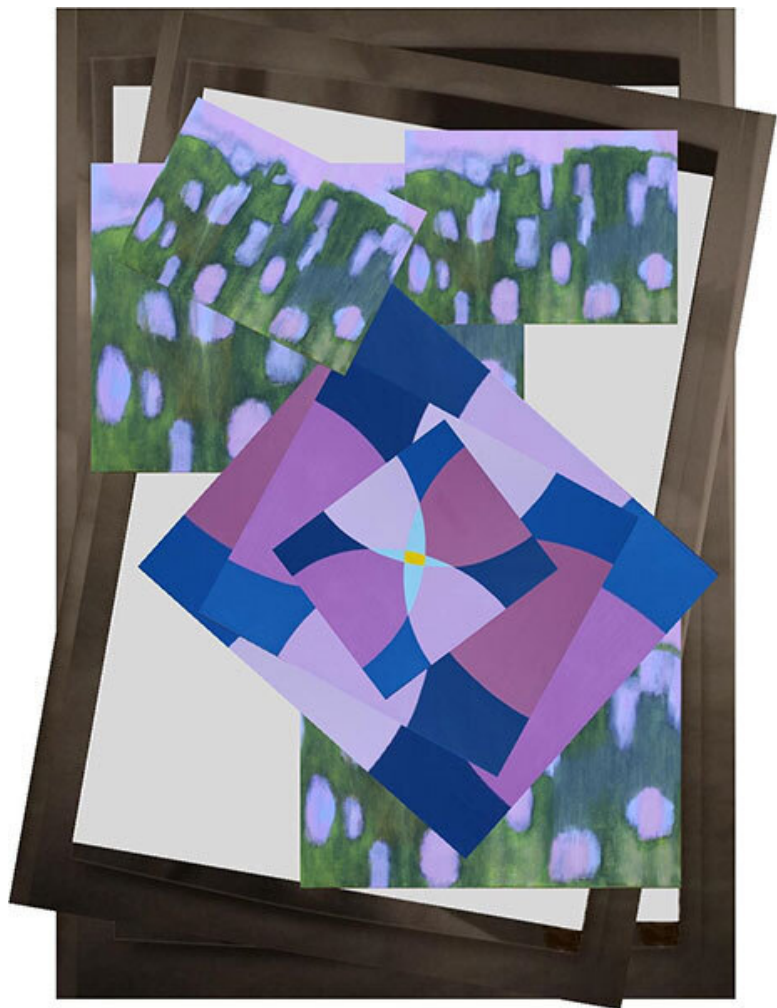
(ВЕТЕР СНОВ ОЛЕ-ЛУКОЙЕ – рис. 1, рис. 2)

по композициям ИСКАНА

«Никто на свете не знает столько историй, сколько Оле-Лукойе. Вот мастер рассказывать-то! Под мышками у него по зонтику: один с картинками – его он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им всю ночь снятся волшебные сказки...»

Ганс Христиан Андерсен

**Режиссёр и актриса С.
Волошина-Андрийчук**

Светлана Сергеевна ВОЛОШИНА-АНДРИЙЧУК

Автор сборника «УГОЛОК ВО ВРЕМЕНИ», состоящего из нескольких книг, куда вошли стихи и статьи по искусству. Постановщик культурно-просветительских литературно-концертных программ и драматических спектаклей. Работы отмечены наградами театральных фестивалей и Московской писательской организации. Член Союза театральных деятелей России. Член Союза писателей России.

От старой-старой сказки к современной драматургии

(на странице композиции ИСКАНА: № 34 50×60 ETNA red ribbon black white peach l-blue; № 77 in FR ty12 lblack 60×60; № 116 ty 50×50 blue Center yellow – коллаж «АЛМАЗ-

НАЯ ГРАНЬ»)

Бешеная собака искусства
Пьеса: зарисовки на
тему абстракционизма
Арт-инсценировка в соавторстве
Светланы Волошиной-
Андрейчук и Искандера Ильязова

*(автобиография художника и
история творческого метода)*

**Художник-абстракционист
Искан Ильязов**

ИЛЬЯЗОВ Искандер Сабитович

(Искан Ильязов) – художник-абстракционист. Профессор, действительный член ПАНИ и Академии народного искусства России. Член Творческого союза профессиональных художников (ТСПХ) и Союза абстракционистов России (САБРОС).

**Вступление к арт-инсценировке
Светланы Волошиной-Андрейчук
и Искандера Ильязова (по
мотивам книги В. В. Кандинского
«Точка и линия на плоскости»)
«БЕШЕНАЯ СОБАКА ИСКУССТВА»**

Дорогие авторы, ваша работа из тех редких случаев, когда надо оценивать предложенный сценарий воплощённым в спектакле. В первом прочтении возникают несколько мыслей-определений: неожиданно, смело, текст сделан и по форме, и по слову – талантливо! Для художников – это, на мой взгляд, новая форма качественной подачи, заслуживающая внимания художника-Мастера.

С другой стороны, есть опасность, что у хваткого плагиатора благодаря вашему спектаклю может возникнуть идея слямзить и прославиться по Вашей концепции: "Её укусу таит искус".

Словом, вы оба молодцы! Когда я читал сценарий, то ловил себя на мысли, что прочитанный материал сделал меня весьма сведущим и образованным человеком не только в живописи, но и по части драматургической формы.

Когда-нибудь эта форма станет популярна, – какое счастье, что я знаю тех первопроходцев, которые были у истоков такого театра.

С уважением,

Валерий Александрович Иванов-Таганский,

актёр, режиссёр, заслуженный артист России

Геометрическая абстракция в истории искусства

Слово художника мини-экскурс Искана (Искандера Ильязова)

Вдохновившись стилистическими поисками кубизма и футуризма, передовые художники с середины 1910-х годов начали писать нефигуративные картины, состоящие из чистых форм, которые теперь известны как геометрическая абстракция.

Кубизм разбивал объекты на составляющие их формы, а футуризм передавал движение в пространстве, и эти модернистские течения порвали с иллюзионистской перспективой, которая царила в живописи с эпохи Возрождения. Геометрическая абстракция пошла дальше кубизма и футуризма, полностью исключив узнаваемые ссылки на окружающий мир. Казимир Малевич с 1915 года стал создавать композиции из чистой формы и чистого цвета, например, черный квадрат, и супрематические композиции из геометрических форм, парящих в пространстве. Малевич стремился освободить искусство от материального мира. Одновременно Пит Мондриан пришел к своему стилю, и его картины, состоящие из прямоугольников основных цветов в решётке, тоже не имели ничего общего с традиционной иллюзионистской живописью.

сю. Василий Кандинский, наряду с упомянутыми выше художниками являющийся основателем всего абстракционизма, с 1920-х годов активно обращался к геометризму.

В начале двадцатого века художники-модернисты отошли от буквальной передачи окружающего мира и от фигуративного изображения вообще, и вместо этого стали создавать работы, которые не соответствовали визуальным явлениям в реальном мире. Они стали полагаться на классическую евклидову геометрию: квадраты, треугольники, круги, плоскости и острые углы.

Эта геометрическая тема нашла выражение в картинах, скульптурах, тканях и других формах искусства: геометрическую абстракцию можно увидеть в таких направлениях в искусстве авангарда начала двадцатого века, как супрематизм, конструктивизм, де Стил и кубизм, а также в прикладных искусствах, таких, как мебель и архитектура Баухауса.

Геометризм в изобразительном искусстве родился в России и Западной Европе и расцвёл в США, а с 2010-ых годов большинство геометристов творят в основном в таких странах, как Испания, Франция, Нидерланды, Бельгия, Италия и Германия, где проходят их профильные выставки.

Бешеная Собака Искусства (Лит-Муз-Жив-Драм- Культ-Секс-Феерия) Анонс Искандера Ильязова

Сценарий драматической биографическо-философской пьесы об искусстве абстракции. Герой пьесы – художник Странник, под этим именем выведен реальный персонаж, геометрический абстракционист Искан (Искандер Ильязов), а его оппонентом выступает Точка, олицетворяющая книгу Василия Кандинского "Точка и линия на плоскости". Авторы сценария Светлана Волошина-Андрийчук и Искан Ильязов, 2020 год. (Аннотация сценария "Бешеная собака искусства")

ЛИТ-муз-ЖИВ-драм-КУЛЬТ -секс ФЕЕРИЯ

БЕШЕНАЯ СОБАКА

ИСКУССТВА

Слово режиссёра Светланы Волошиной-Андрейчук

Основное стремление в этой работе – сказать об абстракции языком театра.

Арт-инсценировка «Бешеная собака искусства» написана в соавторстве.

Для нас, обоих участников, подобное творчество оказалось внове. Искандер Ильязов, по его словам, впервые испытал себя как драматург. Я же впервые решилась разделить авторство с творческим партнёром.

В силу своей режиссёрской профессии я чаще всего выступаю как автор спектакля. Мне приходилось много работать с авторами литературных произведений и брать на себя роль редактора, корректируя чужую поэзию, прозу, драму (оттачивая чужие образы и мысли), но с соавтором я не работала никогда. Не было желания и необходимости в постороннем участии.

Здесь же, я знаю точно, не случись этого литературного альянса, не было бы и пьесы «Бешеная собака искусства». Без архивных текстов личной переписки Искандера Ильязова у меня как у режиссёра не возникла бы идея такой художественно-автобиографической арт-инсценировки и постановки. И наоборот, если бы не этот замысел, Искан (Искандер Ильязов) не стал бы «переносить свои тексты из приватного

пространства «тет-а-тет» в публичное», не писал бы новых воспоминаний и не корректировал старых в соответствии с планом предложенной ему режиссёрской экспликации будущей пьесы и спектакля.

У каждого из нас в этом творческом союзе изначально определилась своя задача и своя роль: художник пишет о событиях своей жизни; режиссёр складывает из этих кусочков мозаику, обрамляя дополнительными текстовыми материалами.

В основе наших отношений лежало личностное уважение и доверие. Мы не соревновались за первенство на ниве драматургии, а объединяли наши творческие усилия, которые были равноважны для достижения желаемого результата.

Но главное, наше искусство (моё – в области театра и Искана – в области живописи) объединяло духовное родство – тяга к символу. В творческом плане мы во многом мыслим одинаково, поэтому нам нетрудно было найти общий язык, став соавторами пьесы и одновременно её героями.

В итоге в тексте «Бешеной собаки искусства» возникла эстетика контрастов – диапазон мироощущения: от самого утончённого, возвышенного до смехового, анекдотического. В целом эта арт-инсценировка, рассказывает об абстракционизме (направлении в живописи, которому уже более 100 лет), и современном художнике-абстракционисте.

Режиссёрская и драматургическая задача требовала найти сценические образы персонажей пьесы (их два – класси-

ческий дуэт: он и она), придумать драматическую историю и театральную форму, где бы органично соединилось более вековое учение основоположника и теоретика абстракционизма В. Кандинского и практика художника (И. Ильязова) в области абстракции нынешнего двадцать первого века.

Изучив труды В. В. Кандинского, проработав творческо-биографические записи его последователя Искана Ильязова, можно было отбирать и компоновать их тексты в единый и целостный сюжет. А мой персонаж стал связующим звеном между ними, толкающим действие вперёд.

По замыслу – цитаты Кандинского должны вносить в спектакль эстетико-философскую основу. И, как в условии задачи, сообщать зрителю о том, что было задано 100 лет назад, в прошлом веке. А тексты Искана – говорить о том, как это художественное открытие реализуется сейчас в творчестве современного художника. То бравурные, то драматические его тексты должны коррелировать со "священным писанием" основоположника художественного направления.

Экзерсисы

(на фото И. Ильязов)

В этих драматургических рамках свою задачу собственно-го жизнеописания Искандер Ильязов в шутку называет «пассивный соавтор».

Но это не совсем так. Читая Искана, я получала массу удовольствия. У него есть замечательные театральные куски и театральные образы, которые можно развить в интересные сюжеты. Среди бесспорных литературных достоинств – лёгкий слог. Любопытно, весело, умно, затягивает.

Когда-то Евгений Багратионович Вахтангов сказал, что для актёра важно быть выразительным и заразительным. Тогда происходит связь со зрителем.

Тексты Искана обладают подобным свойством. В них заложен импульс к взаимодействию с оппонентом, потому-то и захотелось составить из них пьесу.

Для меня это стало новой интересной театральной темой.

«Задумка спектакля об абстракционизме смелая до дерзости», – выразил своё мнение многоопытный журналист и редактор Николай Григорьевич Тюрин.

«Неожиданное, но интересное видение», – охарактеризовала замысел постановки художник Кира Тимофеевна Гаврилова.

Творческая природа человека постоянно должна обогащаться. И для меня обращение к абстракции – всё равно, что новая кровь в мой сложившийся творческий опыт. Тема художественной абстракции меня чрезвычайно увлекла. И вот причина, почему мне захотелось поработать над этим спек-

таклем! Рада, что между нами, соавторами, царило взаимопонимание. Надеюсь, это принесёт пользу.

Блогер русскоязычного Фейсбука по изобразительному искусству Ира Власова также прокомментировала арт-инсценировку:

«Прочла, не отрываясь. Первое впечатление – написано идеально, на мой взгляд, в плане литературы. Кстати, очень живая и яркая сцена на еврейском кладбище в Молдавии. Сценарий хорош, строго выдержаны законы жанра – всё начинается с точки и заканчивается точкой. Не буду на ней особо останавливаться, её значение и так очевидно. В тексте нет пустот, которые хотелось бы сократить. Думаю, бóльшая его часть написана Вами, Искан. Вы узнаваемы – Ваш герой получился ярким, привлекательным, он подкупает своей откровенностью, хотя и заумничает подчас, но это его стиль, ему прощительно. Уверена, постановка будет прекрасной. Я благодарна, что получила возможность прочесть. Чтение подобных вещей имеет свои преимущества – я имею в виду степень погруженности в материал, что иногда теряется на сцене, поскольку внешние эффекты отвлекают. В любом случае, я предпочитаю читать. Это будет удача, Искан, я не сомневаюсь!!!»

Прислала свой отзыв поэт и редактор Лидия Фахретдинова:

«Уважаемые драматурги, поздравляю вас! Пьеса

великолепна! Мотив странничества мне сразу представился, как только я увидела все картины Искана. От души рада за вас! Шедевр-пьеса. Ваша творческая биография уникальна, Искан! И как гармонично она ожила и в Кандинском, и в Бунине... и в руках Светланы. Bravo, друзья!»

(на фото С. Волошина-Андрійчук)

Основным, исходным образом арт-инсценировки, её этическим и идейным содержанием стал образ бешеной собаки, о котором упоминалось в текстах Искана.

Развитие этого образа в режиссёрской экспликации определило структуру пьесы и её жанр.

Скульптор Владимир Курочкин заинтересовался природой происхождения столь яркого, насыщенного и многозначного образа. Означенный спектакль с названием «Бешеная собака искусства» привлёк его внимание, и он объяснил свой интерес отсылкой к дневникам французского скульптора Эмиля Антуана Бурделя: «В искусстве надо быть и святым, и бешеной собакой». А такая постановка вопроса не может оставить в стороне служителей прекрасного.

В текстах Искандера Ильязова был найден и образ главного героя пьесы – Странника.

В этом есть свой символический смысл. Художник неразлучен с холстом, как и странник со своей простой холщёвой одеждой. А творческий процесс подобен духовным странствованиям.

На полотне у Искана осмыслен каждый мазок кистью, он его чувствует; ощущает внутреннюю энергетику движения.

Своё творчество Искан охарактеризовал как «ископаемый абстрактный геометризм в нынешнем торжестве пост-концептуализма» и сказал: «Я как автор отношусь не к contemporary art, а к классическому модернизму вековой

давности».

Тексты же Кандинского дали образ другого главного героя пьесы, моего персонажа. Им стал первоэлемент живописи – Точка. С одной стороны, этот персонаж – плод мысли и воображения художника, с другой – его оппонент, выражающий духовное и материальное начало в искусстве.

Драматург, журналист и критик Юрий Андрийчук отметил некоторые особенности артистической постановки «Бешеная собака искусства»: «Эта пьеса представляет собой сложную композицию: исповедь художника на фоне учения Кандинского. Сложность состоит в том, чтобы соединить лекцию и театр. Ведь в лекции нет конфликта, а театр без конфликта не возможен. Поэтому режиссёр переносит конфликт на личность главного действующего лица пьесы – конфликт внутри него».

Сложнейшую конструкцию пьесы выделила и заслуженная артистка России, актриса театра и кино Татьяна Евгеньевна Лебедькова: «И, – добавила она, – при эпатажной, шокирующей форме. Начало пьесы, там, где излагается теория Кандинского, требует серьёзной сосредоточенности ума. Но за эту работу зритель вознаграждается интересными, метафоричными текстами мэтра абстракционизма. Философский уклон Василия Кандинского пробуждает мысль, как

функционирует вместе система: жизнь, смерть, человек, растение.

Также интересен и главный, поставленный в пьесе вопрос: где же источник, начало творческой природы? Вопрос цепляет. Это «искусство до» определяет искания героя, которые не бывают без рефлексии».

В сценической характеристике главного героя она акцентировала задор и размашистость, словно человек стоит на земле на трёх ногах!

«Особый интерес вызвало всё, что касается осмысления искусства и его элементов; осознания точки как зерна, которое несёт развитие. (Семечко, из которого появляется росток – в природе; зерно роли, из которого появляется художественный образ – в театре).

Чем дальше читаешь пьесу, тем сильнее она взбудораживает различные человеческие чувства, тем больше кипит кровь!»

В произведении крайне важно выстроить железную логику развития и взаимосвязи всех его частей от начала до конца, доносящих до зрителя смысл содержания. Подобный «логический ключ» открывает в арт-инсценировке «Бешеная собака искусства» весь эмоциональный, образный и символический ряд пьесы.

Есть и ещё один ряд – живописный (картины Искандера Ильязова, представленные в драматическом действии).

Но, несмотря на кажущуюся сложную специфику пьесы, –

характер взаимоотношений героев, события, раскрытие темы доступно обычному зрителю, даже не подготовленному в плане специальных знаний по живописи. Все необходимые нюансы объясняются по ходу действия.

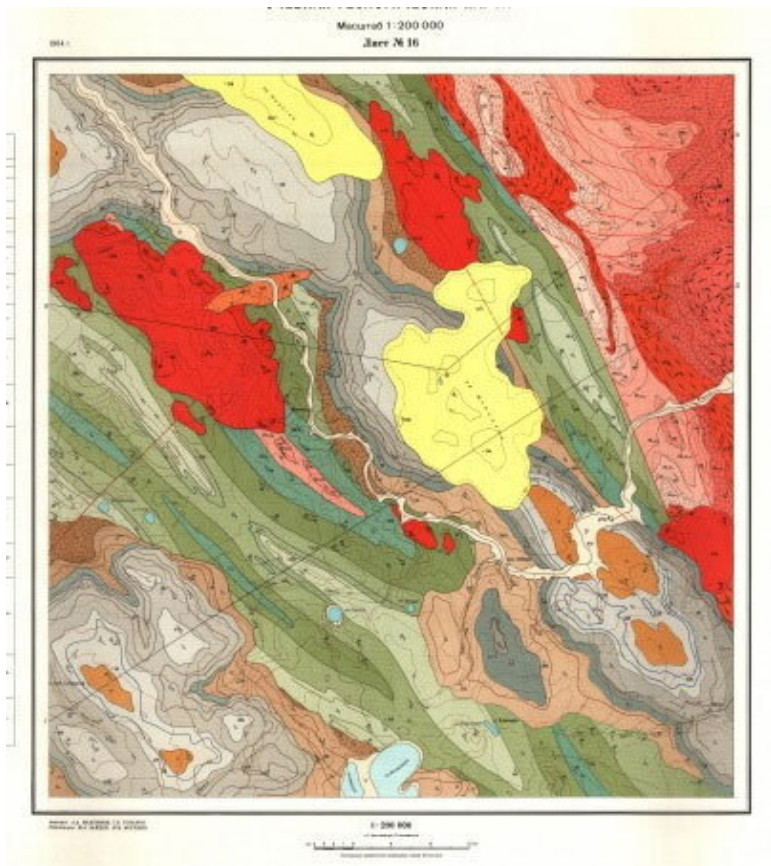
Аксиомы

В теории Кандинского оживает математика. Геометрические построения отражают не только логику и разум, они проецируют мир эмоций. По теории Кандинского при помощи линий и точек, через их ритмический рисунок, расположение и форму можно выразить всю необъятную гамму человеческих чувств.

Невольно вспоминается пушкинский Сальери и его безуспешный эксперимент «поверить алгеброй гармонию». Кажется, что Кандинский продолжил опыты Сальери, и в его творческой лаборатории искусственность превратилась в искусство. А чувства и эмоции, освобождённые от внешней материальной формы, приобрели силу и энергию, неисчерпаемую, как атом.

Эту бесконечную природу человеческих чувств нам хотелось выразить в пьесе и в спектакле: лирика и романтика, грусть и радость, страх и сарказм, ненависть и счастье. Каждое подобное чувство – эмоциональный рубеж, который преодолевает главный герой – художник, чтобы приблизиться к пониманию истоков своего творчества в совокупности со

своим Эго.

Владимир Николаевич Фёдоров, заслуженный работник культуры, главный редактор, писатель,

публицист, журналист, драматург, поэт поделился своим творческим взглядом на инсценировку, включающим научный и художественный опыт:

«Должен сказать, что я не знаток абстракционизма. Но во времена молодости, когда учился на инженера-геолога, я довольно основательно прошёл через геометрическую «абстракцию и неабстракцию» – семестрами изучал начертательную геометрию, кристаллографию, картографию и т. п. Как нас учили, «развивал пространственное воображение». К слову сказать, многие геологические карты по своему виду могли бы вполне поспорить с работами художников-абстракционистов, только геолог видит на них не воображаемые образы в виде цветных фигур, а реальное строение недр на километры в глубину. В качестве дополнительного аргумента прилагаю пример геологической карты.

Всё это отложилось в моей «инженерной» части мозга, не смешиваясь с творческой, выстроенной по-другому, несколько иначе, как и мой личный мир.

Наверное поэтому, абстрактное искусство как художественное направление не стало мне особенно близко, и я не могу о нем судить как-то основательно. Хотя пьесу вашу я, конечно же, прочитал, и она мне понравилась своей необычностью и глубиной исследования темы, чувствуется, что Вы, Светлана, действительно очень основательно изучили и теорию, и практику

абстракционизма. Мне многое было интересно прочитать, наверное, еще интереснее это увидеть, тем более – с участием самого художника».

#27
#17

#172
#180

Как уже было сказано, арт-инсценировка «Бешеная соба-

ка искусства» включает живописный ряд – картины Искандера Ильязова, на осмыслении которых строится сюжет произведения. С каждой картиной у художника связаны особые переживания и воспоминания, раскрывающиеся по ходу действия. В них результат постижения мира. Контраст мироощущения человека выражен через живопись. Этот контраст усиливается ещё и тем, что картины Искана Ильязова относятся к разным художественным направлениям.

(Творческая же задача едина – предельно обобщить образ и визуально воплотить на холсте).

#1
#106

#25
#22

Например, есть четыре картины, вместе которые условно

можно назвать «Образ женщины». Из них *композиция 27 и 17* представляют собой абстрактную живопись.

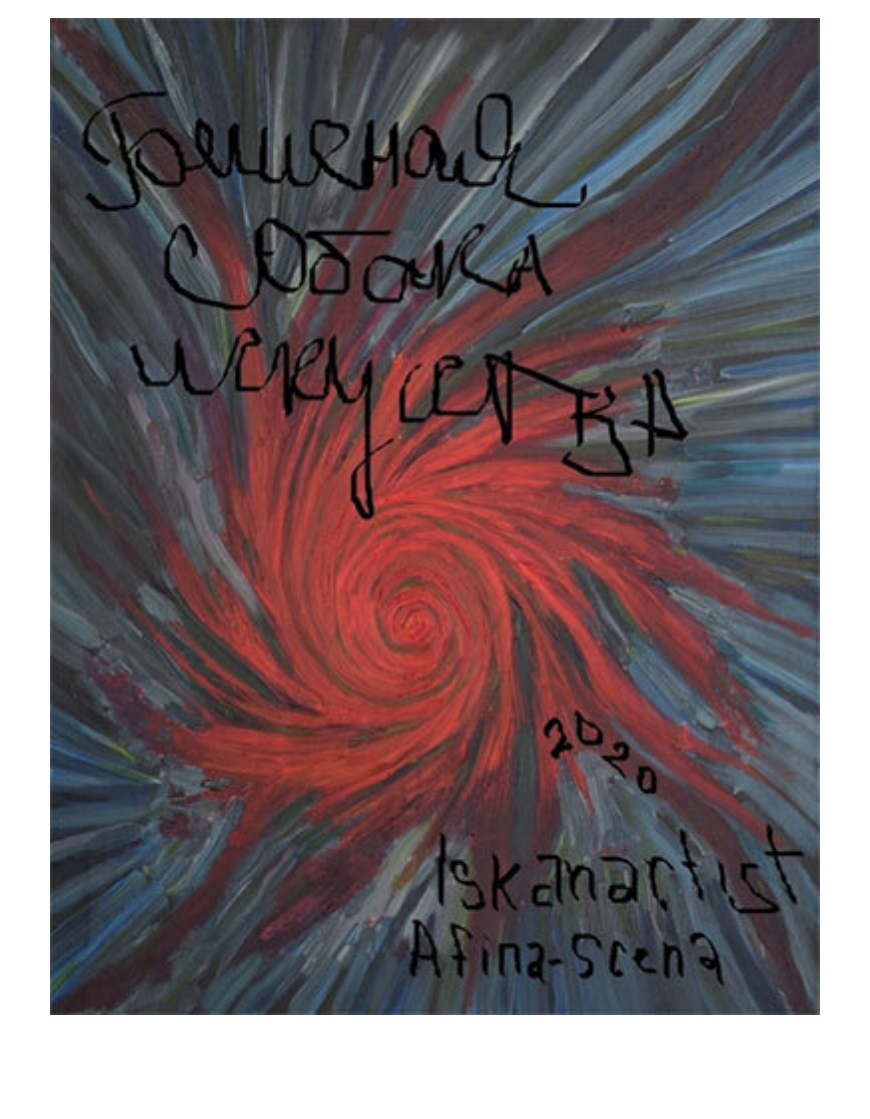
Композиция 172 «Золотое яблоко» – реалистический минимализм, а *композиция 180* «Целлюлит» – псевдоакадемический реализм.

Композиция 1 (Франция) «Рассветозакат» – геометрическая абстракция; *композиция 106* (Франция) «Пирс Виви» – лирический реализм с элементами абстракции (здесь ясно выражена фигуративность).

Композиция 25 «Кровавый водоворот» – абстракция (первая картина, упоминаемая в инсценировке); *композиция 22* «Щётка» – фотореализм (последняя картина, упоминаемая в инсценировке).

Композиция «Кровавый водоворот» – абстракция на тему популярного брехтовского персонажа – бандита Мэки-Нож, которого сравнивали с пастью акулы. А мы с Исканом посчитали, чем это не пасть нашей «Бешеной собаки искусства»?

Таким образом, композиция легла в основу афиши.

Журнал
с добром
мыслями

2020

Iskanartist
Afina-scena

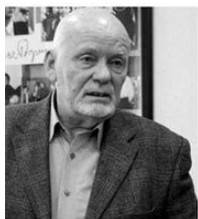
*«У акулы зубы остры,
Нипочём их не сочтёшь.
У Мэкино нож, как бритва,
Только где он, этот нож?
Возле моста через Темзу
Вдруг свалился человек.
Не чума прохожих косит —
На охоту вышел Мэк».*

(Песня-зонг в переводе А. Эппеля из пьесы «Трёхгрошовая опера» Бертольда Брехта).

В нашей арт-инсценировке живопись и литературу объединило одно общее начало: стремление к энергетике, экспрессии, объёмному, массивному звучанию.

Для нас было важно, чтобы чувство цвета и чувство слова дополняли и усиливали друг друга и создавали гармонию художественного произведения. В этом ценность искусства.

Фотогалерея авторов комментариев арт-инсценировки «Бешеная собака искусства»

*Николай Тюрин, Кира Гаврилова, Ира Власова Лидия
Фахретдинова*

*Юрий Андрийчук, Татьяна Лебедькова, Владимир Фёдо-
ров*

Мы благодарны всем, кто высказал в наш адрес прекрасные воодушевляющие слова. Оказанное человеческое и профессиональное внимание всегда бесконечно дорого. Подобная творческая поддержка очень важна в работе.

Авторитетное мнение специалиста, пронизанное одобрением и пониманием, – это бесценная помощь единомышленника, дающая вдохновение и силы. СПАСИБО!

В творчестве очень важно найти своих духовных единомышленников!

Думаю, мы на правильном пути.

Кандинский
Точка
и Линия
на Плоскости

Коллаж «ТЕОРИЯ КАНДИНСКОГО» по композиции
ИСКАНА № 312 (80×60 yellow square on greengrey rhythm)

**Бешеная собака искусства
Арт-инсценировка Светланы
Волошиной-Андрейчук,
Искандера Ильязова
(по мотивам книги В. В. Кандинского
«Точка и линия на плоскости»)**

Действующие лица:

Он (Странник – художник)

Она (Первоэлемент – точка)

*БЕШЕНАЯ СОБАКА
ИСКУССТВА*

*Арт-инсценировка
Светланы Волошиной-Андрейчук,
Искандера Ильязова*

*(по мотивам книги
В.В. Кандинского
«Точка и линия на плоскости»)*

*Действующие лица:
Он (Странник - художник)
Она (Первоэлемент - точка)*

*Композиция Искана № 45 (4black grey yellow orange_strip
50×60 CoCard)*

Странник-художник

ОН

ОНА

(На фото художник Искан)

Пролог

*Кто же не знает
Старика
Брехта*

Арт-ЦЕХ ПАНИ и Библиотеки ЛЕРМОНТОВА представляет

ЛИТ-муз-ЖИВ-драм-КУЛЬТ-сессе ФЕЕРИЯ

**28
ноября**

БЕШЕНАЯ СОБАКА

РЕЖИССЁР
Светлана
Волошина-
Андрійчук

ХУДОЖНИК
Искандер
Ильязов
(Искан)

**в пяти
искушениях
с прологом
и эпилогом**

ИСКУССТВА

Арт-инсценировка С. Волошиной-Андрійчук, И. Ильязова
по книге В.В. Кандинского "Точка и линия на плоскости"

АФИША СПЕКТАКЛЯ по композиции Искана № 25
(70×90 whirlpool)

Пролог

(в центре на сцене некая конструкция, на ней афиша спектакля, он и она подходят к ней с разных сторон)

Он. *(подправляет афишу)* Линия, линия, отличная линия... и точка! Афиша готова!

Она. Можно начинать. Поёт несравненная Элла Фицджеральд! Или Фицджеральд, если угодно.

Музыка «Мэкки-Нож»

(он и она в образах брехтовских персонажей из «Трёхгрошовой оперы» Мэкки-Ножа и Джеини-Малины обыгрывают конструкцию-декорацию)

Музыка стоп

Она. Находятся люди, которые утверждают: «Время абстрактного искусства осталось в XX веке». Тем не менее аб-

стракция существует полноправно и в нынешнем, XXI веке, избегнув забвения.

Продолжает подчинять своей власти и своим законам, как всё великое и вечное! Искусство ненасытно и требует себе новых ценителей, новых жертв и жрецов. Его цепкой хватке, его алчущей пасти мы посвящаем лит-муз-жив-драм-культ-секс феерию! (*Обращаясь к нему*) Эй, приятель, переведи им всем... но не деньги!

Он. (*переводит на английский*) Дамы и господа, мы посвящаем лит-муз-жив-драм-культ-секс феерию!

Она. О вековой живописи и современном художнике (*кивает на него*) – шоу-спектакль «Бешеная собака искусства» в пяти искушениях с прологом и эпилогом!

Бешеная собака искусства – она белая и чёрная, она добро и зло, друг и циник, охотник и страж, она священная и демоническая, пугающая и защищающая, её восхваляют и проклинают, убивают и почитают! Её укусы таит искус...

И эта бешеная собака всё время кусается!

Он. (*переводит на английский*) Бешеная собака всё время кусается!

Она. Ах, ах, ах! (*достаёт нож, он перехватывает*)

Он. Картина сама диктует, какой ей быть.

Элла поёт об алых потоках крови в ночной воде, но ночью алый не алый и все цвета такие, как я изобразил, по крайней мере, я так их вижу.

Но не надо сваливать на картину, скорее диктует моя оп-

тика, мой вкус, но я его не могу переломить, иначе придётся изрезать весь холст, который "не тот" получится если.

Она. Если?..

Он. Если... Кухонный советский нож с длиннющим наведённым лезвием у меня всегда наготове, есть и восточный кинжал из рессорной стали 2010 года, есть и самурайский булат на кухне. Я малюю за интерес, а не за деньги или принудиловку, поэтому если мне чуть что не понравится, то уничтожу без сожаления, как бешеную собаку!

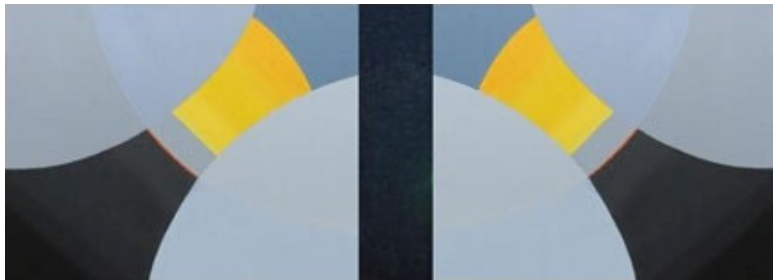
Она. Искушение первое – «Странник и Первоэлемент»: искушение Точкой.

Музыка на перестановку, музыка стоп.

АКТ I

*Мироздание.
Модель*

Композиция ИСКАНА № 17 (50×65 ty orm)

Сцена 1. Мироздание. Модель

Он. (*подходит к книге на мольберте*) В. Кандинский «Точка и линия на плоскости» (*перелистывает, идёт к конструкции, изучает её, читает по книге*)

Всякое явление можно пережить внешне и внутренне. «Мёртвые» учения разных времён и разных народов глубоко коренятся в живых произведениях. Бытующее до сего дня утверждение, что «разлагать» искусство опасно, поскольку это «разложение» неизбежно приведет к смерти искусства, происходит из незнания, занижающего ценность освобожденных элементов и их первородной силы.

Такой путь может привести науку об искусстве далеко за пределы искусства в сферы «всеобщего», «человеческого» и «божественного»...

Музыка «Собаки»

(Он прислушивается к музыке вселенной)

...Итак, необходимо начать с первоэлемента живописи – с точки.

(подходит к модели, накрытой лёгким покрывалом)

Геометрическая точка – это невидимый объект. В материальном отношении точка равна нулю.

Она. *(шепчет)* Покой.

Он. *(читает по книге)* В этом нуле скрыты, однако, различные «человеческие» свойства. Точка говорит нам о сдержанности, самоограничении, её знак обозначает молчание.

Она. *(шепчет)* Покой.

Она. В живой речи точка является символом разрыва, небытия... смертью...

Он. *(читает по книге)* И в то же время она становится мостом между одним бытием и другим. Это определяет ее внутренний смысл.

Она. *(продолжает сопротивляться чужой воле)* Звук молчания столь громок, что он полностью заглушает все прочие ее свойства. Мы не слышим их голосов, мы окружены молчанием... молчанием...

Он. *(читает по книге)* Открытый глаз и открытое ухо превращают ничтожные волнения в огромные события. Со всех сторон несутся голоса, и мир звучит. Мертвые знаки превращаются в живые символы и безжизненное оживает. Мёртвая точка становится живым существом. Это мир живописи.

(он сдёргивает с неё покрывало)

Она. (*оглядывается, пробуждаясь*) Её молчаливые внутренние свойства – их энергия – всплывают одно за другим из ее глубин и излучают свои силы вовне. Их действие и влияние на человека все легче преодолевает скованность.

Царство точки беспредельно. Все «мироздание» складывается из точек. Они в разнообразных формах парят в геометрической бесконечности. Так выглядят холодные серо-голубые точки семян, несущие дремлющие силы плодородия; так, в песчаной пустыне приводит в ужас неукротимо-буйная подвижность её «мертвых» точек. Солнечная система представляет собой лишь точку в космическом целом.

Размеры и формы абстрактной точки изменяются. Она разрастается из себя самой, из собственного центра, а на месте ее возникает новая сущность – линия. Она – след перемещающейся точки. Она возникла из движения, из «напряжения». Линеарный мир многообразен: ломаные, кривые прямые, спиралеобразные. Они включают в себя все оттенки выразительности – от холодного лиризма до жаркого драматизма и глубинное желание создать плоскость: претвориться в более компактную, замкнутую в себе сущность: треугольник, квадрат, круг.

Он. (*читает по книге*) Точка – это результат первого столкновения [художественного] орудия с материальной плоскостью, с грунтом.

Музыка стоп

Точка, линия, плоскость. Примерно так распределяется

интерес художников к элементам. Их скрещения, соединения образуют собственный «язык», невыразимый словами.

(Произносит машинально) ...Замесы на палитре стоят “сами пришли и просят” сбалансированные по тону, насыщенности, температуре, очень мне нравятся...

Она. Звучание этого языка, сообщает живописному выражению высочайшую краткость и высочайшую отчетливость. И чистая форма отдает себя в распоряжение живому содержанию.

Он. Полвторого ночи. Сон как пришёл, так и ушёл. Состояние начала горячки. Если сейчас же не избыть его на холст, попаду в Соловьёвку. В голове крутится карусель форм, не могу её остановить, чтобы выхватить одну. Спустился, надел прозодежду, хлебнул из горла французского коньячка, успокаиваю себя, концентрируюсь. Поймал в голове и вроде бы даже зафиксировал в памяти композицию. Холстов много, выбираю под идею, ставлю на мольберт. Беру основной цвет, начинаю класть на холст. Не ложится. Беру второй. Всё не то! Начинаю беситься. Почему не встаёт? Значит, кисти дрянь! Не пишут, суки! А образ из памяти уходит, в песок уходит, каждая минута на счету.

(он очень сосредоточен на работе)

Она. Как её зовут?

Он. Композиция № 17.

Она. Она горячая брюнетка?

Он. Фригидная блондинка.

Она. О! Я на неё похожа?

Он. Нет.

Она. *(усмехаясь)* Конечно, нет! Я всего лишь точка. Основа мироздания *(бросает ему кисть)*.

Он. Беру самую длинную кисть, до сих пор в тяжёлых случаях выручала, она особо пружинит и даёт отход от холста: чтобы выйти из тупика, надо подняться над ситуацией. Делаю заход на мольберт сбоку, как тореадор на быка – палитра мулетой, кисть шпагой. Без толку. Меняю угол атаки так и сяк, переставляю мольберт по кабинету, три раза переворачиваю холст. Результат ноль. В голове лихорадка, от идеи ничего не осталось, испарилась. В отчаянии ломаю поперёк колена RAPHAEL Kjaerell с удлинённым черенком, таких длинных кистей в отечестве в продаже не бывало.

Она. Бедный Странник *(смеётся)*.

Он. Беру основной мастихин, делаю мазки – нет, не то! Стираю, беру другим мастихином – ещё хуже, третьим – тоже мимо. Коллапс. Брожу лунатиком по первому этажу.

Она. Смотри! *(делает знак ножом)*

Он. На кухне выхватываю из стойки нож самурайского да-маска, наношу замес – ВСТАЛО! Оказывается, должен был лечь в руку тяжёлый отбалансированный инструмент. Помалевал ножом, пошло. Времени четыре двадцать утра. Мыкаюсь, ничем не могу заняться, тороплю ночь. *(Подходит к ней, объясняет)* При лампах нет шанса попасть в колер при жонглировании более чем тремя цветами, а всего лишь начи-

нают синеть глубокие сумерки (*отходит от неё*). Жду. Слоняюсь без дела. (*Берёт коньяк, вновь подходит к ней, предлагает выпить*).

Она. Я не пью.

Он. Я тоже (*отхлёбывает глоток из бутылки, садится рядом*).

Он. За одну неделю похудел на два килограмма. Фишка пошла! Пишу! Счастлив! Хожу, как под лёгким кайфом (*смотрит в окно*). Как ты догадалась, что я Странник?

Она. Все художники – странники в высших сферах.

Он. I have a dream. Мои картины будут так заряжены из астрала, что будут держаться не на гвозде, а на левитации (*оба смеются*).

Маслом на холсте могут выразить лишь избранные, и моя мечта стать глубоко интеллектуальным абстракционистом. Внук обещал меня научить рисовать, а мне не надо рисовать, мне надо анти-рисовать: маслом, на больших холстах, беспредметно, нефигуративно, символично, неконвенционально и обобщённо.

Раскислый московский рассвет тянется бесконечно, (*хвастливо*) то ли дело в Каннах солнце встаёт из-за горы за десять минут и сразу всю светлю.

Она. Ты желаешь преодолеть время и поймать солнечный свет?! А, может, ты просто ловишь миг, когда вдохновение преодолеет инерцию...

Он. (*отворачивается и вновь смотрит в окно*) Нако-

нец брезжит, вот вроде и рассвело (*вскакивает с места*). В голубоватом воздухе даю поправку глазу на смещённый спектр, замешиваю, через двадцать минут нахожу колера, делаю несколько мазков каждым...

(*оба замирают и смотрят*) – оказывается, что к кухне у меня теперь не гастрономический, а «абстракционистский» и не абстрактный интерес! Интерес украсть нож и пустить в дело. Иншаалла.

Она. Иншаалла? Что это значит?

Он. Воля Всевышнего (*вытирает нож*). Сентябрь 2015-го. Вот уже три месяца, как я пишу картины.

Она. Можно мне посмотреть на женщину № 17?

Он. Композицию № 17. Это образ собирательный (*кладёт нож*).

Она. Это "Женщина в стиле осень". Фиолетовый задаёт её стиль, её притягательную женскую силу, плавные округлые линии делают её загадочной, как Джоконда. Жёлтый и оранжевый цвет зрительно приближают её к тебе, а синий и фиолетовый неизменно отдаляют. Она, то идёт к тебе навстречу, то бежит от тебя. Она ускользает. Она, как неуловимый образ вечной женственности, который ищут художники (*напевает*): «В напрасных поисках за ней я исследил земные тропы...» Это она.

Он. Это она...

Она. Искушение второе – «Странник и Первоэлемент»: искушение Яблоком.

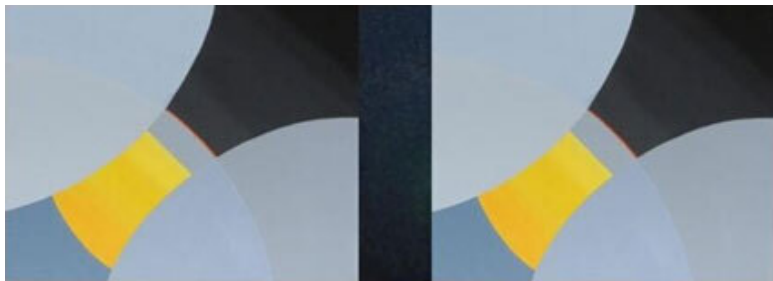
Музыка «Собаки» – лай

КОНЕЦ I АКТА

АКТ II

*Мастерская.
Муляж*

Композиции Искана № 172 (30×40 golden apple); № 180 (cellulite 70×60)

Сцена 2. Мастеская. Муляж

Он. (*хмуро стоит у мольберта, замечает её*) Пошёл спать в одиннадцать вечера, не начав писать, потому что формы не явились перед глазами “весомо, грубо, зримо”, то есть потому что писать было просто нечего. Художника ВСЁ бесит, а когда его ничего не бесит, то его бесит то, что его ничего не бесит.

Она. (*теперь ткань на ней перекинута на манер античной драпировки*) Странник, угадай, что я тебе принесла?

Он. Неужели неприятности?

Она. Ты почти угадал. Я принесла тебе яблоко!

Он. То самое?

Она. Как посмотреть! *(глядит и нюхает яблоко)* Как оно прекрасно, какая живописная форма! Какие цвета! Не желаешь ли?

Он. Съесть?

Она. *(позирует с яблоком)* Не желаешь ли превратить геометрическую точку в реалистическое, академическое яблочко?

Он. Это не моя цель. При всём уважении к академизму, я не сужу арт с его точки зрения.

Музыка «Собаки»

(она протягивает ему яблоко, он тянется к нему; композиция их рук, как на фреске Микеланджело «Сотворение Адама»)

Она. Разве ты не можешь попробовать хоть раз? Поменять свою точку зрения?

(он убирает руку)

Музыка стоп

Он. Могу... что, если сделать натюрморт с разноцветными червями, выглядывающими из яблока, со смайликами-аппликациями на их мордочках!

Она. Издеваешься над классикой? Здесь нет червей. Это вообще муляж.

Он. Я как абстрактник самого отчаянного, геометрического, толка с принципиальной несбалансированностью и несимметричностью моих композиций, опираюсь в вёрстке своей картины на первобытное искусство – вот истинная

классика.

Она. Это интересно!

Он. Моя антикварная техника даёт не право такую позицию. Я строго масляный по льну цеховик, вырождающийся класс. Моя живописная девственность даже акрилом не испорчена! Гуашью! Акварелью! Карандашом не испорчена, где ещё такого уникама поискать? С моим живописанием – по анекдоту:

– Изя, вы умеете играть на скрипке?

– Не знаю, не пробовал.

Музыка «Собаки»

(она протягивает ему яблоко, он тянется к нему; композиция их рук, как на фреске Микеланджело «Сотворение Адама»)

Она. Прекрасно, считай, что это первобытное яблоко... Пещерное, девственное, с древа познания!

(он убирает руку)

Музыка стоп

Он. С древа – тем более не хочу.

Мои картины – продукт дремучей художественной некомпетентности, принципиально возведённой в абсолют, усугубленной категорическим отказом от обучения в любых формах, отказом от бесплатных мастер-классов, даже от дружеской технической помощи профессиональных художников. Я не сподобился до начала живописания хоть один учебник посмотреть. Да и зачем? У меня и так всё получается.

Мне интересно самому изобретать «технику живописи». К тому же у меня поэтический способ мышления: я мыслю образами и метафорами. У меня некошерный, нестандартный, неконформный стиль, не комильфо в сопровождении татарского упрямства. Я самоучка чистейшей воды. Я учусь. У Винни-Пуха и все-всех-всех. Как НЕ надо писать.

БАЙКА на тему. Пospорили хохол и татарин, кто дольше просидит под водой. Чем дело закончилось? – Утонули оба.

Она. Странник, я не спорю, что лучше: абстракция или реализм.

Музыка «Собаки»

Да – образ, символ, знак! Конечно, в форме абстрактной сливается множество звучаний и смыслов. Она изолирована от окружения реального, материального.

Но ведь и в «предметном» искусстве внешняя оболочка подчинена внутреннему назначению, хотя и невозможно полностью воплотить внутреннюю сущность одного мира во внешности другого. Внутреннее замуровано во внешнем. Только отвердевшая как пустая ореховая скорлупа душа, утратила способность к погружению и не может проникнуть в глубину вещей, где под внешней оболочкой слышно биение пульса.

Речь идёт не о том, что художник должен внешне подражать природе – он должен сопоставлять законы искусства и законы природы и находить их взаимосвязь.

Палец растёт на руке так же точно, как сучок на ветке.

Пробивающийся (вверх) стебель проходят путь от точки до линии.

Простейший природный материал – клетка – находится в постоянном, реальном движении, и, напротив, простейший элемент живописи – точка – не знает движения, и являет собой полный покой.

(она протягивает ему яблоко, он тянется к нему; композиция их рук, как на фреске Микеланджело «Сотворение Адама»)

Я не пари тебе предлагаю, а предлагаю испытать себя. Вдруг тебе понравится конкретика? В конце концов, чем тебе это грозит?

(он убирает руку)

Музыка стоп

Он. Я никогда ничего не хочу сказать конкретно, иначе писал бы фигуратив и даже реализм. Я обобщаю, стремясь к знаку-символу, но не уничтожаю всё привходящее, а, убирая его из визуального поля, делаю подразумеваемым и читаемым. Так устроено человеческое восприятие, так работает сигнальная система, так передаётся информация самым эффективным образом. Через образ. Не только визуальный, а словесный, мысленный, математический и какой угодно. Я так для себя открыл устройство жизни и пишу картины, исходя из собственного понимания этого устройства.

Она. В том, что говоришь ты и я, нет противоречий.

Все искусства, все духовные сферы имеют единый глу-

бинный корень. Архитектура, музыка, поэзия, живопись. В основе мироздания лежит система исчисления, математическая гармония и ритм. Нотное письмо – являются не чем иным, как суммой комбинаций точек и линий. Усилие, прилагаемое рукой к смычку, аналогично нажиму руки на карандаш. Ритмический образ стиха выражен в стихотворном размере.

Появление листьев на побеге происходит столь точным образом, что находит себе выражение в математической формуле и сведено к спиралеобразной схеме.

Естественное различие любых явлений исходит из самых глубин, то есть из сердцевины вещей в «духовном» мире, в «материальном» (ель, лев, звезда...)

Он. Вошь...

Она. Что?

Он.

А скажи, простая штука
Есть у вас?
Какая?
Вошь.
И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
Частично есть.

Высочайшего класса стихи, поэзия высшей пробы. Про
вошь.

В изящной словесности, как и в изобразительном искусстве, не имеет значения, о чём пишешь, что пишешь, ради чего, чем или на чём, даже мало фортибрасит, КАК пишешь, а имеет значение лишь то, какой масштаб у личности, которая пишет, и водит ли её пером или кистью Аллах.

Хорошо. Мне 62 и я не хочу умереть, не попробовав академизма.

Музыка «Собаки» – лай

(они проходят ритуальный круг, она передаёт ему яблоко)

Музыка стоп

(далее сцена напоминает обряд инициации, включающий «защиту творческой диссертации» и приносимые творческие обеты)

Он. *(стоит за мольбертом, как за кафедрой, читает доклад)* Дамы и господа! Почтенные академики! *(повторяет обращение на иностранном языке)*

Что получается, когда чистейший геометрический абстракционист по прихоти берётся за кисть на чужой территории – не просто в фигуративе, а в реализме? – правильно, получается опять же абстракция, хоть и в реалистическом виде.

Захотелось мне реалистически написать типичное идеальное яблоко, которое зритель видит в своём воображении

при слове «золотое яблоко». Написал за два дня холст-масло 30×40 см, и времени мне не жалко, хотя за два дня обычно делаю метровые холсты. Мне было интересно строить из себя «нормального художника».

Она. (*от лица оппонента*) Это некорректная формулировка! Это издевательство!

Лай собак

Он. (*повышая голос*) Натюрморт – академическая постановка – экзерсис – увраж из программы младшего курса худВУЗа или секции рисования кружка юных пионеров пишется с натуры, а мне «из хулиганских побуждений» (*в мольберт летит яблоко-муляж*) ...вздумалось сделать картину «из головы» без натуры, из серии «назло кондуктору куплю билет и пойду пешком» (*летит яблоко*), ...и профессионал, присмотревшись, в этом убедится.

Лай стихает

Он. При письме с натуры другие принципы построения изображения, а главное – видения изображаемого. Я хотел сделать обманку, эмуляцию реалистической картины (*летит яблоко*) ...инструментарием абстрактника, относящемся не к технике живописи, а к способности обобщения при мышлении, к дару строить абстрагированные картины в уме и переносить их на холст.

Моей целью было освободить картину от несущественного, предельно обобщить образ, визуально воплотить платоновскую идею вещи на примере золотого яблока, а академи-

ческое живописание само по себе в мою задумку не входило; (*летит яблоко*) ...мне был интересен ход мыслей и действий от умозрительного образа в мозгах до реалистического изображения на холсте. Прошу заметить, я нигде никогда ни у кого ни минуты не учился и по идее (не платоновской) не умею даже кисточку держать.

Она. (*от лица оппонента*) Вопрос оппонента. Смею спросить, каким же инструментарием пользуется уважаемый кандидат в?.. Это же издевательство! Заблуждения и легкомыслие чреватые уродливыми произведениями.

Он. Я не выношу запаха растворителей, поэтому ни на курсы, ни в мастерские, ни в кружки не могу ходить. В интернет-уроках – дешёвые приёмы.

Я пишу красками "для беременных" абсолютно без добавок. Палитрой я пользовался за всю жизнь 20 минут, но палитру не смог терпеть. Мастихином я не работаю, только изредка накладываю им первый слой фона. Этудник мне не нужен, потому что я не был ни на одном пленэре, я его держу рядом с мольбертом, на этюдник ставлю холстик-палитру и колдую краски.

Кисти я мою Fairy для мытья рук/посуды. Мне нравится мыть и сушить кисти, я даже растягиваю удовольствие. Интересно, есть ли такие извращенцы среди получивших художественное образование?

Она. (*от лица оппонента*) Это некорректная формулировка! Это издевательство!

Лай собак

Он. *(повышая голос)* А ведь у меня с первого наипервейшего раза академическая живопись вполне на «троечку» под «законченное высшее художественное образование на отделении живописи» получилась. Люди годами учатся... А я нагло "с нуля" и "от винта", на комсомольском задоре.

Она. *(от лица оппонента читает в телефоне)* Комментарии в Фейсбуке:

– Аристократ от искусства!

– Картина ещё мокрая, как пресловутая честная... де... *(ко всем)* Извините, связь прервалась.

Он. Иной скажет, что в свои 62 я мечтаю о молодильных яблочках и занимаюсь сублимацией на холсте...

Пусть за меня говорят мои произведения *(разворачивает мольберт)*.

«Целлюлит» Академический!

Лай стихает

Он. Я пишу в основном щетинными кистями, люблю оставляемые ими высохшие борозды масла – в них спрятана энергетика. По высохшему маслу промежуточного варианта я стал писать сам целлюлит кистями – не пошло, взял тряпку – не пошло, стал пальцем писать – пошло. Заметьте, абстракции писать пальцем мне в голову не приходило. Это к вопросу об инструментарии.

Я писал «Целлюлит» и «Яблоко» в четыре раза дольше, чем обычно пишу абстракцию того же размера, но ведь по

ходу я учился сам у себя академической живописи. Невероятно интересно это, захватывает. Я парил по холсту с мозгом, работающим на пределе вычислительных возможностей, хотя он за три года натренирован моей геометрией. Несчастные студенты, которых муштруют академизмом, лишены этого неопишуемого драйва, идущего не от предшественников, не от преподавателей, а изнутри своей сущности художника.

Она. Bravo!

Он. Viva academismus! Я буду до 10 процентов моих картин делать не абстрактными.

In negotiam vitam cum Ars Vivendi sum = I am in the art and the business of life

(аплодисменты)

Она. *(собрав брошенные яблоки)* Странник, ты защитился за пять яблок!

Музыка «Собаки»

Она. Готов ли ты присягнуть на священной книге основоположника и теоретика абстракционизма Василия Кандинского, что признаёшь Природу как Великого учителя?

Он. Готов. *(положа руку на книгу)* Я беру солнечный свет и преобразую его в цвета моих картин. Энергия Солнца переходит в мои полотна. Моё творчество идёт от природы. Я вдохновляюсь небом и морем, закатами и рассветами, линиями гор и женского тела. Я обобщаю изображения, часто сводя их к геометрическим фигурам. Зритель подсознательно узнаёт их, считывает значения и воссоздаёт исходную картину.

тину в своём воображении. Мои картины идут от природы, и она мой единственный учитель.

(она приносит настоящее яблоко, вонзает в него нож; он откусывает)

Она. Испытание третье – «Странник и Первоэлемент»: испытание Быть собой.

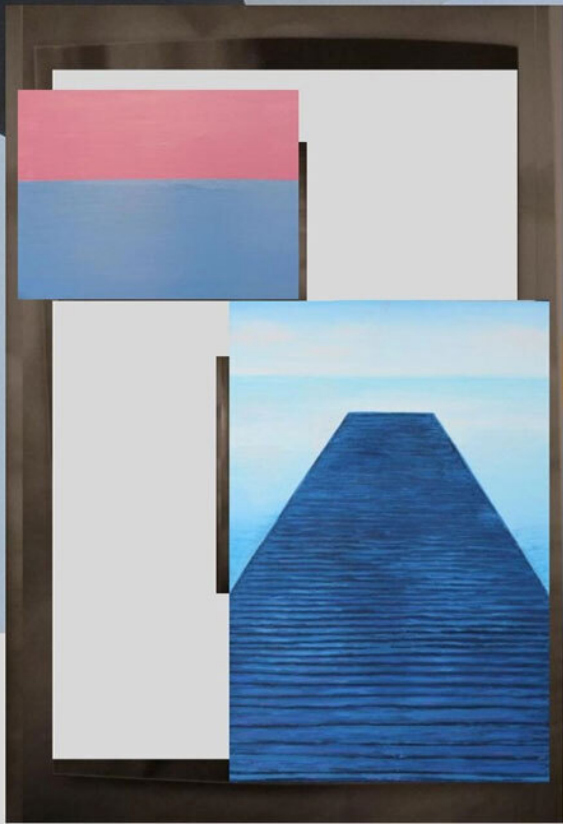
Лай собак

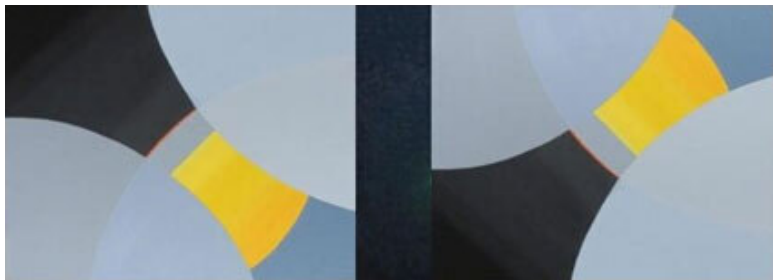

КОНЕЦ II АКТА

AKT III

*Мастерская.
Мур
Руж*

Композиции Искана № 1 (inFR flag Pat 65×81); № 106 (Vivi Pier 60×40)

Сцена 3. Мастерская. Мур Руж

Она. Крик петуха, скрип двери, лай собаки, которые может поразительно искусно воспроизвести скрипка, никогда не будут признаны произведениями искусства. Произведение искусства лежит «по ту сторону» сознания и с утратой влечения к нему бесследно исчезает.

Лай стихает

Он. Опять Кандинский?

Она. Да. А тебе что, надоело?

Он. *(молчит, сосредоточенно рассматривает этикетку на емкость с Fairy)* Fairy просрочен. Но кисти мыть можно *(взбалтывает Fairy)*.

Она. Может быть, и я тебе надоела? И живопись, и картины?

Он. Никогда (*вновь взбалтывает*).

Она. Я понимаю, точка принадлежит к узкому кругу привычных явлений, голос её тусклый и робкий. (*Мечтательно и задорно*) Тем не менее, точка, вырванная из своего привычного состояния, набирает разбег для рывка из одного мира в другой, где она свободна от субординации, от практически-целесообразного.

А уж, если рядом с ней появляется очень тонкая линия, к примеру, золотая или серебряная... (*примеряет воображаемое украшение*), точка становится плоскостью (*выразительно смотрит на него*).

Он. (*перестает взбалтывать*) Что ты хочешь?

Она. Не хочу оставаться точкой на пустом фоне.

Он. Озвучь мне свой интерес!

Она. Конечно же, Франция! Париж! Ох, я бы там покрасовалась на какой-нибудь Эйфелевой башне. На этой линейно-точечной конструкции. Стыки и болты там являются точками! А чем я хуже! Но мне подойдёт и пейзаж. Я займу там подходящее место.

Он. Хорошо. Как тебе Лазурный берег?

Она. Это мой любимый цвет... У нас будет лазурный пейзаж! Что будем рисовать?

Он. Пирс в Каннах рядом с кафешкой MOURE ROUGE.

Она. Прекрасно. (*подходят к конструкции*) Ах, как бьётся сердце, как я люблю этот творческий момент! Вот она плоскость холста... По сути, это живое существо. Художник

«оплодотворяет» эту сущность...

(он хихикает)

Она. Что смешного?

Он. Клянусь Аллахом, никакой эротики у меня в голове за мольбертом не бывает: живопись слишком сама по себе меня захватывает, чтобы отвлекаться, и сам процесс мне заменяет всё.

Она. *(строго)* Вернёмся к пирсу. Где, ты говоришь, это находится?

Он. Рядом с кафешкой MOURE ROUGE, и никто из моих знакомых не знает, что этот МУР означает *(шутит)* moure – mon amour – Moulin moure – «Красная мельница»!

Она. Ты же клялся Аллахом, что никакой эротики!

Он. А если получается немного эротично, то тем лучше, тем оно жизненнее, если об абстракции можно так выразиться.

Она. Понятно. *(требовательно и строго)* Ощущаешь «дыхание» холста? *(он вслушивается)* Это надо чувствовать неосознанно...

Вот напряжение к небу *(показывает на верхнюю грань)*, напряжение к земле *(показывает на нижнюю грань)*. *(Смягчаясь)* «Право» – вход внутрь – это движение домой *(заходит внутрь конструкции)*.

«Лево» – выход вовне – это движение вдаль.

(берёт ткань и вытягивает её в глубину сцены; ткань выходит за пределы конструкции в форме пирса)

С ним человек удаляется от обычной среды, освобождается от тяготящих привычных форм, которые сковывают его движение в почти окаменевшей атмосфере, и все глубже и глубже вдыхает воздух. Он идет к «приключениям» (*в конце фразы она оказывается на краю «пирса»*)... Странник! (*кричит и машет ему рукой*) Так что там пирс?

Он. (*кричит в ответ*) Он рядом с кафешкой MOURE ROUGE – «Красная мельница»!

Она. Не отвлекайся на красный цвет. Продолжай в лазоревых тонах.

Он. На Лазурке деревянные пирсы нынче редкость, в Каннах их всего два. Пирс Виви на Мур Руж один из немногих оставшихся старых причалов из брёвен. Потом на нём фонарь в конце поставили, но я фонарь не признаю и написал пирс без него.

Она. (*осторожно ступает по пирсу, ощущая его прозрачность, говорит восхищённо*) Дорожка водяной глади, словно из сновидения, где метафора или образ может воплощаться буквально! На твоей картине дорожка приобрела конкретные очертания дощатого пирса, на котором отразилась игра света и воды!

Музыка

(она снимает туфли и длинное лёгкое верхнее платье, чтобы не замочить их в этом воздушно-водном пространстве; сходит с пирса, словно на воду, и кружится вместе с летящим по воздуху платьем)

Она. Жаль, что ты не нарисовал фонарь. Я люблю фонари! Это свет!

Он. (*берёт фонарь, идёт к ней*) Я буду фонарём, одиноким странствующим фонарём. (*становится на краю пирса, как фонарь, смотрит вверх*)

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доньше
Снега хранят мой одинокий след.

Она. (*смотрит на отражение в воде, присаживается у подножия «фонаря»*)

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!

Он. (*читает дальше*)

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

Он. Этот сонет Бунина – аналог идеальной геометрической абстракции.

(они садятся на пирсе спиной друг к другу, рядом стоит фонарь)

Мои картины – абстракция, мои тексты – тоже своего рода абстракции, и каждый понимает или не понимает их в меру своей испорченности и иску́шенности искусом искусства. Сам я искусан бешеной собакой искусства.

Я всё делаю не как люди, не как все, по-своему. Мои картины создаются сами из необъяснимой веры в свою звезду. В них нет буквальности. Они – как скэт в блюзе. Они, как вообще музыка: чистые эмоции. Взлёт творческого духа до гусарского градуса, с отмашкой. I was high.

Искусство прежде всего о смысле жизни, о жизни и смерти и о том, что между ними – любви, однако всё проявляется через мириады ситуаций, отношений, событий и через рождаемые жизнью переживания отражается в искусстве, которое в свою очередь будит эмоции.

(встают, медленно идут к берегу по разные стороны пирса, между ними фонарь; они держат его за ручку)

Нигде ни у кого я не учился живописи или вообще на художника, а ошибок в технике живописи делаю мало. Сколько краски экономлю этим! Это между прочим значит, что я ничему не учусь, потому что учатся только на своих ошибках. With every mistake we will surely be learning.

Пригодилось упорство и нежелание сдаваться. Я боялся учиться, боялся чужого влияния, боялся потерять самость, а ещё больше боялся, что учёба отобьёт у меня желание писать, ведь я стал писать, как летать, как песню петь, выплёскивал накопленное. Из ниоткуда всё шло, я боялся, что чуть столкнёшь со счастливого золотого пути, и я в ужасе буду "как все художники в муках рождать картины". Теперь я может бы и согласился поучиться, хотя самому до всего доходить интереснее.

(остановились)

Музыка стоп

С тех пор, как я стал художником, я поступаю по зову души, по своей совести, я стал соответствовать сам себе. Мудрый и добрый папа Сабит мне чаще всего говорил два ёмких слова: *Be yourself!* Мне значение его наказа открылось до конца только сейчас. Жить безупречно, по собственным внутренним часам – для меня путь к совершенству. Оказалось, что я умел быть художником всегда, это моё естественное состояние, но я не осознавал этого до 59-летнего возраста. У меня был очень долгий путь...

«Не ЦЕЛЬ, но ПУТЬ».

Я пишу только тогда, когда не могу не писать, а не тогда, когда надо подхалтурить-заработать или просто самовыразиться.

(вернулись в пространство конструкции)

Она. *(с пониманием)* Если верна точка отсчета, если вы-

бранное направление верно, цель не может не быть достигнута.

Он. Один Аллах знает, что верно. Моя бешеная активность всю жизнь вела меня от комсомола в КПСС, во Внешторг, в загранку, в прорабы перестройки, в высокое кресло зама гендиректора Ассоциации экспортёров СССР, в грантососы Маргарет Тэтчер, в юристы-международники, в коллекционеры, в друзья Ренэ Герра, и, наконец, в художники. Я просто ловлю кайф от всего, что делаю, а если бы я, как все, делал карьеру, не кайфуя, то был бы где все.

Кафе MOURE ROUGE. А не выпить ли нам кофе? Кофе – волшебный напиток: сколько людей родились на свет благодаря приглашению «На чашечку кофе...»

Она. Нет, лучше шампанское.

Он. Пожалуйста (*рисует два бокала*).

(они сворачивают листы и пьют воображаемое шампанское)

Она. О чём ты задумался, Странник?

Он. Вспомнил нонконформистские шестидесятые моего детства. Как играли с одноклассником в шахматы или морской бой.

Я по вечерам в 9 классе бегал трусцой из Тирасполя в Бендеры на пару с моим корефаном Сашей Крुцем. К полуночи на обратном пути отдыхали на нагретых солнцем старых могильных камнях придорожного еврейского кладбища и смотрели на мохнатые звёзды, романтика!

Я ездил искупаться в море и «прошвырнуться» по Дерibasовской – ну как из любого подмосковного города "за 100 км" ездили школьники в Москву.

Я продукт еврейской местечковой тираспольской культуры, генов татарских баев, крови графьёв Ганских, СССР, КПСС и комсомола.

Она. А ещё Ренэ Герра твой крёстный отец.

(смеются)

Он. *(произносит тост)* Ренэ Герра, пожалуй, самый для меня уважаемый человек. Считаю его своим крёстным отцом как живописца, и он не возражает. Мне никогда не хотелось стать художником, мне захотелось после того, как меня стали подзуживать. Ренэ Герра взялся с жаром и напором воина-горца (Guerra) поучаствовать в соблазнении меня на художество – и быстро меня победил.

Но без этих открытых и широки пространств, без Каннского залива, неба, холмов, прогулок по Круазетт, я может и не стал бы художником, или стал бы, но не геометристом.

Ни одной картинки за свою жизнь я не нарисовал, в школе имел тройку по рисованию.

И вдруг... Юный живописец пятидесяти девяти лет от роду садится в Мерседес и едет во французский аналог советского магазина ШКОЛЬНИК на отоварку. Там он набирает масло, холсты, кисти и дозаполняет корзину ШОБ С ПОГОНОМ всякой живописной мелочёвкой.

Однако «юному живописцу» такой отоварки показалось

мало и ломанул он за триста пятьдесят километров в Милан за мольбертом – бешеной собаке семь вёрст не крюк.

Он. И однажды таки подошёл в ужасе к холсту и за два часа сделал картину маслом "Рассветозакат с моего балкона в Каннах". И понеслась!

Она. (*поизносит тост*) За твою первую картину, Странник, которая родилась на каннском рассвете!

Музыка

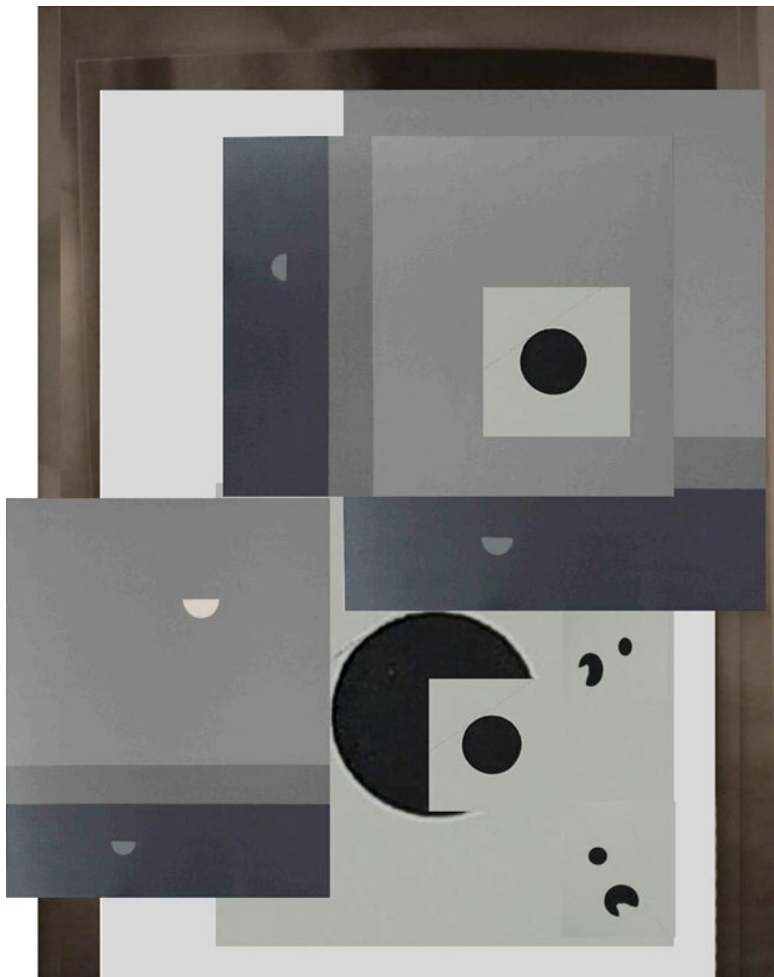
Она. Искушение четвёртое – «Странник и Первоэлемент»: искушение Бытием.

Лай и вой собак

КОНЕЦ III АКТА

Антракт

Коллаж «ТОЧКА – основа МИРОЗДАНИЯ»

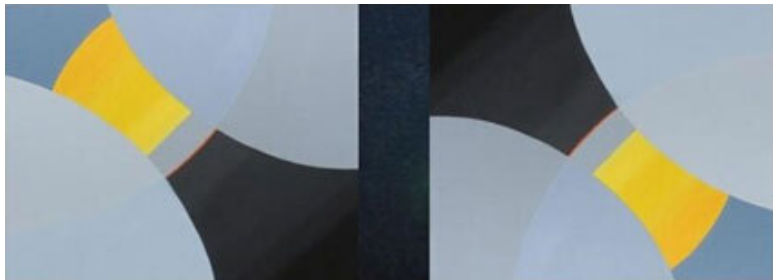
AKT IV

Метафизика.

Музыка.

Монақо

Композиции Искана № 27 (50×70 grading blue olive violet + triangle yellow)

Сцена 4. Метафизика. Музыка. Монако

(Они вытягивает ткань из конструкции, раскладывают её ровным прямоугольником)

Он. Опять... бешеная собака.

Она. Похоже на вой брейгелевских собак. Это охота.

(она уходит на этот звук, словно под влиянием какой-то силы; он смотрит вслед, потом надевает шапочку из газеты, берёт валик и водит по ткани)

Он. С чем бы ни спал, снится будет стрёмное подхалтуривание маляром на Производственном комбинате Торгово-промышленной палаты СССР в Кунцево, где я в 80-ых красил стенды для советских выставок за рубежом. (Я же гастарбайтер-молдаванин из Тирасполя!) Рука во сне просит германские валики, двухгаллонные бадьи американского ак-

рила, малярный скотч МММ (который Minnesota Mining & Manufacturing истинный Scotch tape) в ассортименте, стальную рулетку в сантиметрах и дюймах, никелированный отбивочный угольник, кювету, которая сейчас называется лоток (не для кошек, хотя под кошек он тоже годится) и рублёвый чёрный нал без ведомости. Эх, где те многоквратно-метровые поверхности? Сейчас я бы на них разгулялся!

(садится, пьёт кефир)

Я убеждённый, отъявленный и оголтелый автодидакт, мне преподавание – как красная тряпка для быка, вместо рисунка я владею геометрией, а вместо живописи – навыками маляра-альфейщика! Да, я ОТКАЗНИК! и проказник... Я молдаванин! Я набил руку красить от забора и до обеда. Я выдаю лучшие образцы малярного искусства.

(возвращается она; на ней джинсы, рубашка, шейный платок – по моде 1970-ых)

Она. Странник, ты звал меня?

Он. Я думал о тебе.

Она. Сегодня я как-то непривычно себя ощущаю. У меня какой-то другой характер. *(Осматривает себя)* Мне страшно.

Он. Ничего удивительного. Сегодня – ты в моём сне, в моём подсознании. Ты мне снишься.

Она. Какие у тебя странные сны, Странник... Чем ты занимаешься?

Он. Малюю, сэр! В сущности, я молдавандский маляр-га-

старбайтер: просто крашу.

(По-разному складывает и деформирует ткань) А по сути, я визуально соотношу коллективное сознание с реальностью, пропуская его через своё личное сознание. Я работаю с пространством на холсте и через него – со временем, но делаю это не в реальности, а в вымышленном мире – в зеркале моего холста. Я предельно обобщаю окружающую меня реальность – до символа, и манипулирую ею на холсте.

Она. *(осторожно касается ткани)* Я вижу там тебя...

(начинает звучать музыка, её звук постепенно нарастает)

Музыка SMOKIE «I'll meet you at midnight»

Он. *(кидает взгляд на ткань)* Это я студент. В 1973 я поступил в Инъяз Мориса Тореза. Учился на переводческом, изучал английский и шведский. Четыре года я жил в общежитии – это казарма, кабак, бордель и храм науки в одном флаконе и ещё осиное гнездо стукачей. По воскресеньям все по пиву, а я на весь день в Третьяковку, 15 копеек вход. Я был такой белой вороной.

Она. Какая музыка...

Он. Вдохновился со Smokie с бобинных магнитофонов сорок лет назад. Это моя любимая песня.

Она. О! Я встречу с тобой в полночь на Елисейских Полях. Под лунным светом!

Он. Лично я от музыки вдохновляюсь и просто от НИЧЕГО или изнутри себя.

Она. *(начинает танцевать и подпевать)*

I'll meet you at midnight
Under the moonlight

Он.

Но Жан-Клод и Луиза-Мария
Никогда не встретятся.

Она. Представляю, как вы тусовались под эту музыку в 70-ых! *(Ему)* Жан-Клод – студент университета!

Он. Я от тусовок и пьянок скрывался в музеях. Я отсмотрел километры холстов и подхалтуривал гидом Интуриста по Третьяковке и музеям Кремля. Я всю жизнь околачивался в храмах искусства.

Я в общежитии однажды художественную композицию сделал – над кроватью, заправленной армейско-больничным колючим шерстяным одеялом, на стене: ржавая колючая проволока (как лагерная) и на шипах осенние листья красиво наколоты. Это называлось: СВОБОДУ ЛУИСУ КОРВАЛАНУ! Я в школе был председателем Интерклуба! (и таки очень был!)

Она.

I'll meet you at midnight
Under the moonlight

Он.

Но Жан-Клод и Луиза-Мария
Никогда не встретятся.

Она. Почему ты не танцуешь? О! Слова звучали как музыка! вечер их встречи был теплым от смеха!

Он. Последний раз я плясал семь сорок в 98-м под пальмами в Испании.

Она. Ну станцуй семь сорок!

Он. Это был редчайший случай. Я вообще не танцую и не пою. В школе у меня была тройка, по «пению», а моя любовь сказала, что с моим голосом только из туалета кричать.

Я в классе был серой мышкой, ничем не выделялся, от этого у меня до сих пор комплекс, который приводит к стремлению обойти одноклассников хоть на финишной прямой, и оно мне удалось.

Она. А ты самолюбивый...

Он. *(в запальчивости)* Что не дано от природы по школьным меркам, к тому и стремился.

За шесть лет собрал коллекцию – 100 виниловых пластинок, почти 1000 сидюков аудио, купил аппаратуру и слушал. Академическая классика, джаз, рок и авангард.

Она.

Я встречу с тобой в полночь
Под лунным светом.

Он.

Но Жан-Клод и Луиза-Мария
Will never be
Will never be

Какие небесные и тупые риффы и ещё более тупые и заряженные патронами земной жизни рифмы.

Она. (*закрывает уши*) Will never be! Will never be!

Откуда столько цинизма, ты чем-то не доволен?

Он. Нет, я вполне доволен жизнью. Настолько, что пишу под похоронные марши свои радостные композиции, и мне музыка не мешает, а заряжает оптимизмом под Funerailles (harmonies poetiques et religieuses) Листа и под скерцы и поповую похоронку Шопена.

Она. Нет, я больше не могу. Не надо. Мне очень страшно. Я не вынесу больше этих мёртвых горизонталей, дай хоть одну вертикаль, давай вернёмся к солнцу!

Он. Но я не умею управлять сном, а мы с тобой в его реальности.

Она. Вспомни что-нибудь светлое, радостное, солнечное.

Он. Я не могу ничего вспомнить, я просто сплю.

Она. Я помню. Я помню, как вы познакомились с Ренэ Герра!

(*ткань окутывает их, как две эфемерные фигуры*)

Она. (*говорит медленно и плавно, как во сне*) Ты сидел на телефоне, выясняя, как одеться. Но все были одеты «никак»

и под жару! Дневной приём проходил на открытой террасе на свежем воздухе, без закусок – чисто коктейль.

Он. *(начиная припоминать)* Я надел cocktail shirt и чёрные брюки.

Она. *(показывает на воображаемых людей)* Ренэ Герра в светлом костюме, его брат Алэн в темном, хозяин аукциона слева в профиль в сером костюме и с бокалом.

Он. *(припоминая)* Это момент, когда хозяин нас только-только познакомил...

(она скидывает с себя ткань, выходит на середину и меняет тон)

Она. *(словно ведёт репортаж)* Лето 2013 года. Презентация одной международной арт-институции в здании самого знаменитого отеля Монако – Отель де Пари на площади казино Монте-Карло.

Среди гостей – господин Герра, русист и славист, заведующий кафедрой славянских языков, почетный академик Российской академии художеств. Долгие годы Ренэ Герра поддерживал русскую эмиграцию, был литературным секретарём Бориса Зайцева, русского писателя-классика Серебряного века.

Ренэ Герра был рад познакомиться с нашим соотечественником господином Искандером, которого представили как коллекционера.

Он. *(говорит больше для себя)* Господин Герра, в Вашей коллекции несколько тысяч картин, а в моей не более 200,

из них половина – московские нонконформисты, их ещё называют шестидесятниками, и почти все их работы – на бумаге. Не считайте меня очередным монашеским коллекционером-олигархом!

(сидит, погрузившись вглубь себя, говорит, словно забыв об окружающих)

До конца так и не понял, почему я собираю. Собираю других людей и эпоху, чтобы понять себя. Причин больше в подсознательном, чем в том, что я могу понять и объяснить. Тут скрытые мотивации, подавленные фобии, загнанные в бездонные глубины; тут протест против условностей; неосуществимая жажда безграничной свободы; тут недовольство повседневностью; тяга к запретному; стремление к невозможному; прекрасные мечтания и многое другое.

Она. Странник!

Он. Возможно, у других бытие определяет сознание. У меня всегда сознание определяло бытие. Искусство для меня – это восприятия жизни. Мне близко свободное творчество «шестидесятников», они оказались свободны! Я учился у них геометрии.

Музыка

Он. Моя коллекция – питомцы гнезда собирателя, все дорогие сердцу, все любимые.

Она. *(оглядывается вокруг, будто видя эти картины)* Мне кажется, что я в аду...

(отходит от него по кругу) Бесконечные семь кругов...

Он. Изобразительное искусство отражает душу не только того, кто его создаёт, но и того, кто его собирает. Тут есть, о чём поразмыслить! Лучшего портрета моей души не сыщете.

Картинки – зеркала, в них меня видно изнутри. Собрание уникально, как отпечатки моих пальцев. Как стану сходить с ума или, когда сам себе надоем, коллекция и понадобится.

Она. Кто ты, Странник? Ты меня страшишь! Проснись, я прошу тебя, проснись!

Он. *(зловеще)* Наедине с музыкой и картинами «тихо сам с собою я веду беседу».

Я коллекционер, а если у коллекционера не "глаз – алмаз, глаз – ватерпас" то он платит впустую из своего кармана, и это учит не глазеть, а смотреть и видеть – насквозь видеть! Я коллекционер! Здесь нет ни одного «перла творения», «шедевра», «бессмертного полотна», «ударного экспоната», но всё – живое и выразительное. Я коллекционер!

Она. Какой ужасный сон. Я не хочу быть частью коллекции. Твой кошмар убивает меня...

Он. Я покупаю только тогда, когда предчувствую, что если вещь не будет моей – заболēju. Я крёстный отец коллекции, я коллекционер.

Она. Посмотри, Ренэ Герра что-то говорит тебе...

Он. *(встает во весь рост, ткань ложится, как плащ)* Он говорит, что я Искандер Великий, как мой тёзка Александр Македонский!

Музыка стоп

Лай и вой собак

(Шум аукциона, английская речь)

Она. Что это?

Он. Кажется, лондонский аукционный дом London Auctions.

Она. О чём они говорят?

Он. О деньгах, о бизнесе, о раскрутке художников, даже о любви – сплетничают кто с кем – и ни слова об искусстве.

Она. Ты хочешь здесь что-то приобрести?

Он. Нет, коллекционирование – перевёрнутая страница моей жизни, как бывший любовник пресловутой честной девушки-блондинки, при очередном новом.

Мне просто снится аукцион. Сейчас аукционист огласит новый лот хорошо поставленным голосом. *(на секунду образуеться тишина)* О! Слышала? Victor Elpidiforovich Borisov-Musatov... Он не сдрейфил, этот непосредственный стучатель молотком, он не стал сокращать, он произнёс «Elpidiforovich»!

После торгов я похвалил его британскую доблесть, а он познакомил меня со своей юной стеснительной племянницей, с которой я мило пообщался за коктейлем.

Она. Вот сюжет для твоей картины: художник и юная леди! «Бар в London Auctions» – не хуже, чем «Бар в Фоли-Бержер» Эдуарда Мане!

Она, юная и стеснительная, задумчиво сидит, не притрагиваясь к коктейлю *(кисть-соломка)*. О чём она задумалась,

глядя на свечу (*кисть-свеча*)? В этом шумном зале она так же одинока, как барменша Сюзон из Фоли-Бержер. В зеркале, висящем позади неё, в правом углу отражается таинственный профиль художника. Он говорит... Что ты ей сказал?

Он. Не помню. Я тогда не придавал этому значения, обычная болтовня. Я даже не помню, как её звали, ей было лет 25...

Она. Отражения в зеркале нереальны и фантастичны. Как понять, где заканчивается явь и начинается сон? Мы видим, как художник молча тушит сигару (*кисть-сигара*). Он делает карандашом (*кисть-карандаш*) набросок с девушки и дарит ей. Она потупляет взор, а потом быстро пишет ему несколько фраз:

Oh, how I long to be
Back in my dear Brittany...
But fate has chosen me
For the bar at the Folies-Bergeres

Он. (*читает*) О, как же я хочу вернуться в свою дорогую Бретань!.. Но судьба выбрала меня для работы в баре «Фоли-Бержер».

Она. Неожиданно в её руках блеснул кинжал (*кисть-кинжал*), и трижды простучала колотушка аукциониста! Лот 59 «Сон Странника». Продано...

Твой сон закончился.

Он. Какая абстракция...

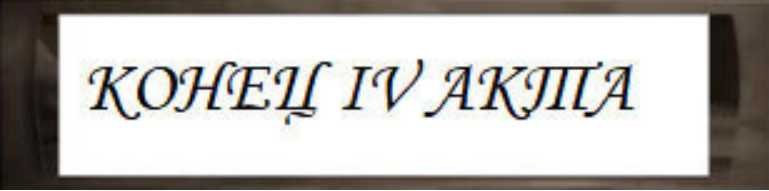
Она. Категории время-пространство и пространство-время слишком отдалились друг от друга. Границы неясны и подвижны

Он. *(повторяет глубокомысленно)* Какая абстракция...

Музыка

Лай собак

Она. Искушение пятое и последнее – «Странник и Первоэлемент»: искушение Откровением.

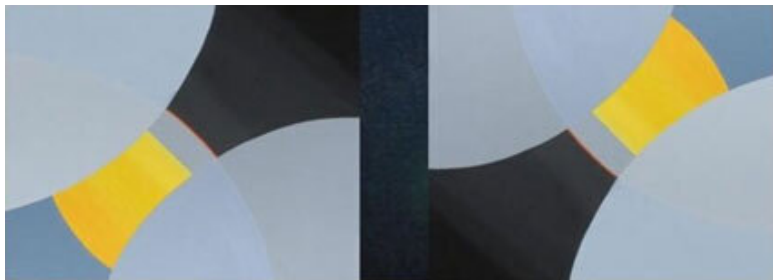

КОНЕЦ IV АКТА

AKT V

*Мысль.
Методика.
Мастерство*

Композиции Искана № 25 (70×90 whirlpool)

Сцена 5. Мысль. Методика. Мастерство

Он. Опять эта собака. Я прогоню её.

Она. Она бешеная. Она не уйдёт, если привязалась. У неё мёртвая хватка.

Он. Чего она хочет?

Она. Тебя. Ей нужен твой ум, твой талант, твой дар. И твоя любовь...

Скажи ей что-нибудь. Она ждёт.

Он. Я Странник Искан! Художник! Искан автор тонкий и очень впечатлительный. В основе его творчества лежат эмоции, картина у него начинается с эмоции и через цвет обретает форму.

Она. Мало...

Он. Озарение, творческий порыв приводят к находкам цветоформ. Цвет не подчинён форме и форма не подчинена

цвету, они равноправны и сбалансированы.

Она. Мало...

Он. Композиции картин не рождаются у Искана, а извергаются из него неудержимо и мощно. В момент творения он сам часть своего произведения. В каждой картине Искан являет свою чистую, непосредственную душу вместе с жизненным опытом и поисками художественной истины.

Она. Мало, Странник, мало...

Он. В каждой картине Искан вместе с ней рождается, но в ней же часть его умирает, чтобы в новом качестве родиться в следующей картине.

Лай смолкает

Она. Вот. Ты сказал главное Бешеной собаке. Ей нужно, чтобы ты умирал, ради искусства.

Он. При задумывании каждой картины я учиняю себе допрос с пристрастием: а зачем вообще писать после старых мастеров? Что ты хочешь сказать такого, что ещё не сказано? Я любил говорить, что нужно иметь большое нахальство писать музыку после Баха.

Однажды я видел молодых художников, принимавших участие в творческом конкурсе. Убитые, все убитые! В глазах нет ни проблеска творческого огонька, в одном глазу длинный доллар, а другом – вечная тоска от осознания его недоступности. Ты думаешь, они хотят учиться? Они хотят гореть творческим порывом? Они хотят положить жизнь на алтарь искусства? Нет! Они хотят ДЕНЕГ!

Она. «Сегодня» человек совершенно поглощен внешним, внутреннее для него мертво. Это последняя стадия упадка, последний шаг в тупик.

Такие категории, как «движение», «восхождение», «падение» присущи и живописным элементам. Но даже точка, впивающаяся в плоскость, в состоянии освободиться от нее и свободно «парить» в пространстве.

Он. ... Я свои картины не продаю (я их работами называю лишь при необходимости, потому что они не товар).

Она. Пора показать публике твой мастер-класс по живописи! Попробуем?

Он. ОДНА ПОПРОБОВАЛА – СЕМЕРЫХ РОДИЛА.

Я пробовал акрил, многослойную мокрую акварель, скульптуры из папье-маше со стразами, недавно перформанс с рубкой топором и сжиганием на костре картин, теперь коллаж. В школе был номер раз по лепке из пластилина. Короче, неугомонный я.

Она. Тогда наметим пространство для мастер-класса. Думаю, это должно быть что-то абстрактное.

(он начинает промерять конструкцию и Точку)

Она. Звучание элемента здесь приходит к полноценному, освобожденному звуку.

(берёт ткань, он ей помогает, делают выгородку-инсталляцию)

Схематически задуманное произведение может, в конце концов, состоять из одной маленькой точки.

(отходят, смотрят что получилось, поправляют ткань)

Ставшее автономным абстрактное искусство подчиняется законам природы и вынуждено, как некогда природа, которая скромно начиналась с протоплазмы и клеток, постепенно переходить ко всё более сложным организмам.

(оценивают свою работу)

Если взгляд наш обостряется, если ухо напрягается, только тогда мы в состоянии извлечь из искусства откровения во Внутреннем – насколько это может быть дано каждой эпохе.

Собачий лай

Она. Видишь, собака чует, где искусство! Она чует слова Кандинского!

Теперь отрепетируем сценарий.

Лай стихает

(они стоят в инсталляции, как на сцене, подражая шоу)

Она. Уважаемая публика!

(он переводит на английский)

Она. У Искана есть особая, музыкальная по сути черта его абстрактных композиций – он, как композитор, присваивает каждому своему произведению, опусу, номер. Поэтому – музыка!

Он. *(на английском)* Музыка!

Музыка

Он. ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ! Заслал три свои кар-

тины одному художнику. Он спросил, откуда я такой умный взялся, умнее всех, я ответил – из будущего.

Она. Подожди. Сначала надо представиться!

Он. Я честный геометрист! Мой выбор: писать хорошо или не писать вообще. Кто-нибудь видел китчовую геометрическую абстракцию?

Она. *(говорит и попутно подметает щёткой пол)* Где видишь точку отсчёта картины?

Он. Она не совпадает ни со смысловым, ни с композиционным центром.

(подтаскивает мольберт ближе к инсталляции, при помощи мольберта демонстрирует примеры развески)

Картину можно вешать в любой смелой позе верх-низ-бок, на потолок или класть на подоконник или на пол, приклонять к чему угодно, крутить по кругу. Это же абстракции. Свободный полёт. Грани записаны, изображение у меня должно на гранях.

Она. Искан органически не может подойти к мольберту без драйва!

(он забирает у неё щётку)

Он. *(демонстрирует)* На двадцать втором номере «Щётка» у меня проявились признаки залихватского письма, склонности к экспрессии и позывов на энергетику. "Эх, прокачу!" – говорил Козлевич.

Она. А теперь персональный рецепт от Искана для успеха выставки художника!

Он. Нарезать километры по залу «бешеной собаке семь вёрст не крюк», валяться по полу с фотокамерой в погоне за острыми ракурсами, обнимать дам за талию и ниже, не затыкать свой рот, быть красной тряпкой для быка Быковского и всячески искрить.

Она. Хочешь что-нибудь пожелать своим поклонникам и поклонницам?

Он. Любой художник сначала сам себе поклонник, а потом уж только его могут интересовать все остальные. За что и бывали убиты и съедены соплеменниками пещерные художники.

Музыка стоп

Она. Тогда – к мольберту! (*Он подходит к афише спектакля*) Покажи всем, на что ты способен!

Музыка «Мэкки-Нож»

Он. № 25 – КРОВАВЫЙ ВОДОВОРОТ. Эта работа была почти сразу подарена дорогим мне подружкам!

21 11 2015. Я на неделе обещал: "буду писать по-гусарски, нагло, с размахом, с оттягом, с гиканьем и свистом." Пацан сказал – пацан сделал! Холст-масло, 70 на 90 см.

Слушай несравненную Эллу Фицджеральд, вот слова:

Она. Мэкки-Нож! (*в переводе мастера*)

О, у этой акулы те ещё зубы!

И он демонстрирует их, жемчужно-белые,

Только большой складной нож есть у Макхита, милая,

И он держит его, держит его вдали от взглядов.

Когда акула кусает своими зубами, милая,
Красные потоки, они начинают растекаться.
Тем не менее, Макхит носит модные белые перчатки.
На них никогда, никогда нет ни следа красного.

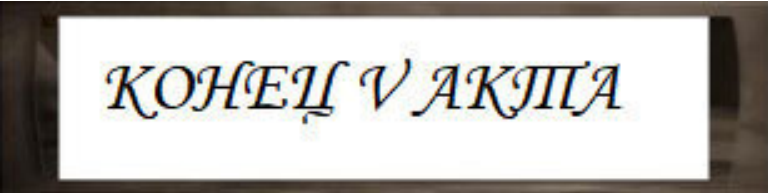
Он. (*водит чистой кистью по афише*) Водоворот я мазал зелёной окисью хрома, сине-зелёным фталом, смесью синего кобальта с жжёной умброй для черноты, ультрамарином, прусской синей и гаммой красных: ализарин, кадмий, вермильон, кармин, маджента. Всё это перемешалось на составных мазках ещё на щетине кисти и потом ещё поналожилось мазок на мазок, и на фото не видно, а на холсте имеет место. Куда больше одиннадцати цветов?

Музыка стоп

Она. Аплодисменты мастеру!

Он. Я не берусь утверждать, что я знаю, какой должна быть картина, но я очень хорошо знаю, какой она быть не должна.

Спасибо за (а)моральную поддержку!

КОНЕЦ В АКТИА

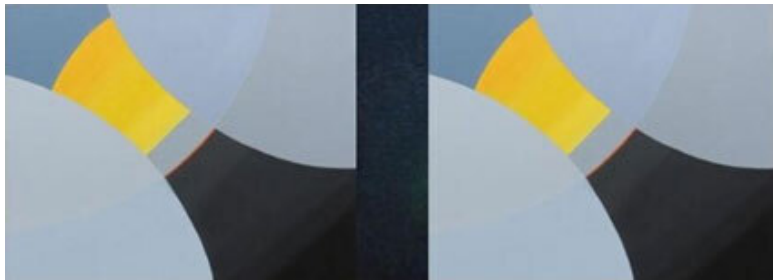
Эпилог

Музей.

Мечта.

Мантра

Композиции Искана № 22 (brush 50×100)

Эпилог. Музей. Мечта. Мантра

Она. *(в образе экскурсовода)* Наша экскурсия подходит к концу. Обратите внимание на эти прекрасные картины, выполненные в абстрактной манере. О характере этой живописи Ренэ Герра сказал следующее:

Каждый человек – творец своей судьбы и счастья. Искандер со своей неисчерпаемой энергией придал своим картинам творческую выразительность. Акцент на асимметричность композиции, декоративная орнаментальность линий и необыкновенная цветовая гамма его работ заставляют в полной мере почувствовать его силу характера и индивидуальность.

Да, несомненно, картины эти принадлежат будущему!
По словам Василия Кандинского, искусство – либо под-

чиняется времени, либо идет с ним в ногу, либо противостоит ему, либо выходит за пределы своего времени и выражает содержание будущего. Абстрактное искусство принадлежит к последнему типу.

Первая абстракция Кандинского была выполнена акварелью в 1914 году.

А теперь попросим автора этих полотен сказать несколько слов и дать пару биографических элементов для Музея будущего.

Он. Любимыми туробъектами у меня всегда были музеи и храмы. Гидом-переводчиком я объехал весь Советский Союз. Учился в Англии и днями пропадал в музеях Лондона. Ездил за рубеж, и тоже всё по музеям.

В 2015 году самовольно зачислил себя вольноопределяющимся в цех художников.

В 2016 году вступил в Творческий союз профессиональных художников.

С тех пор я имею право на «Привилегии художника»!
– говорить художникам «я тебе скажу, как художник художнику ...»

– послать любому «наше вам с кисточкой»

– качая права, заявлять, что «художника обидеть может каждый, особенно другой художник»

(они вновь в образах брехтовских персонажей, вокал)

Она. За это надо спеть! Как учила нас несравненная Элла! Английские частушки!

Он. Лимерик! Я поавторствовал в 1974-м! Когда разразился нефтяной кризис из-за войны на Ближнем Востоке, я выдал за стаканом:

There was a young man of the Sheen
Who invented a ...ing machine.
When asked "Does it ...?"
He said with a shrug:
No, it doesn't!
It needs gasoline!

Я сам до всего дошёл, я менял свои мнения по мере умудрения опытом и переубеждения меня самой жизнью, но никогда не менял их заодно с толпой и не был флюгером. Я не делал карьеры, в меня другие пальцем тыкали: сумасшедший! Я себя не жалел за дело. Во мне встроенная тройная система контроля: заводской ОТК, госприёмка и военная приёмка.

Я пишу картины и пишу зарисовочки, скетчи. Пишу для собственного удовольствия, у меня с них ПРУХА.

(они постепенно разбирают конструкцию и складывают алтарь, выходят из брехтовских образов, теперь он Странник, она Точка)

Он. Я убираю мусор из фигуративного изображения, удаляю шум, выбрасываю фон. Можно сказать, что я выпариваю воду для получения кристалла, подправляя его баланс и гармонию. В результате остаются лишь форма и цвет. Я когда

пишу абстракцию, то обобщаю фигуратив почти до исчезновения образа, и когда он становится символичным и ярким, когда в него спрессовано содержание, то его можно перенести на холст, он готов, думать больше ни о чём мне не нужно, кроме техники живописи, и о ней я тоже осознанно не думаю, а лишь контролирую качество того, что выходит из-под кисти. Всё изнутри идёт. Происходит это у меня в подсознании, я только через год сам понял, как я пишу, и почему у меня так получается. Август 2016 года.

Она. В результате нашей лит-муз-жив-драм-культ-секс феерии сама собой сложилась мантра, посвященная творчеству. Повторяйте её за нами.

Музыка «Собаки»

Он и Она. МИРОЗДАНИЕ. МОДЕЛЬ. МАСТЕРСКАЯ. МУЛЯЖ. МУР РУЖ. МЕТАФИЗИКА. МУЗЫКА. МО-
НАКО. МЫСЛЬ. МЕТОДИКА. МАСТЕРСТВО. МУЗЕЙ.
МЕЧТА. МАНТРА

Музыка стоп

Она. Бешеная собака молчит. Кажется, она приняла наши дары...

За сим мы ставим точку. Точка – это малый мир. Она обращена внутрь себя, точка есть молчание.

Конец

Москва, 2020

КОНЕЦ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФОТОМАТЕРИАЛЫ

Афиша спектакля (дизайн – С. Волошина-Андрейчук)

Список работ Искандера Ильязова:

- 1. № 17 50×65 ty*
- 2. № 172 30×40 golden apple*
- 3. № 180 cellulite 60×70*
- 4. № 106 Vivi Pier 60×40*
- 5. № 1 in FR flag Pat 65×81*
- 6. № 27 50×70 grading blue olive violet + tiangle yellow*
- 7. № 25 70×90 whirlpool*
- 8. № 22 brush 50×100*

Светлана Волошина-Андрийчук в образе Дженни-Мали-

НЫ

(фото после репетиции)

*ГДЕ
СОБАКА
ЗАРЫПА*

The image features a complex abstract composition. On the left, a large, dark, curved shape overlaps a light blue area. The right side is dominated by a large, light blue curved shape. In the center-right, there is a dark grey rectangular area containing a white semi-circle. Below this, a horizontal band of medium grey is visible, and at the bottom, a dark grey area contains another white semi-circle. The text 'ГДЕ СОБАКА ЗАРЫПА' is written in a stylized, italicized font across the upper right portion of the image.

Композиция № 76 (inFR 3grey 2halfmoons 65×80–5)

Composition № 76", oil on canvas, the funny French stretcher dimensions 80.5 x 65.1 cm. Never appeared on the Internet and, mind it, never ever shown at any of my 90 exhibitions. It is NOT monochrome, it is a color picture. There is no brown paint from the tube here. I mixed the brown shades from cobalt blue, cobalt violet, cadmium yellow and cadmium red in various proportions.

Холст, масло, забавные французские подрамники размером 80.5×65.1 см. Никогда не появлялась в интернете и, заметьте, никогда не показывалась ни на одной из моих 90 выставок. Это не монохромная, это цветная картина. Где я взял цвет волчьей шерсти с лунным отливом? Я получил оттенки серо-коричневого в лунном свете, смешав в разных пропорциях кобальт синий, кобальт фиолетовый, кадмий жёлтый и кадмий красный.

ИСКАН -

Мэкви-Нож

Ильязов Искандер Сабитович

(художник-абстракционист)

Заключительное Слово Неумозаклучительное Эссе (Часть 2)

На фото: арт-кафе «БРОДЯЧАЯ СОБАКА»; композиция
ИСКАНА

№ 274 in FR all brown 65×80–5)

**По следам «Бродячей собаки...»
Об арт-инсценировке Светланы
Волошиной-Андрейчук и
Искандера Ильязова (по
мотивам книги В. В. Кандинского
«Точка и линия на плоскости»)
«Бешеная Собака Искусства»**

Каким бы мудрым ни был наш фольклор, он все же оставляет нам, простым людям, отдушину, не на все вопросы дает точные и емкие ответы. Дескать, попробуйте догадаться или домыслить самостоятельно. Вот так и появляются в нашем обиходе присказки типа: «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи» или «Знать бы, где упасть – соломки бы подложил» и так далее и тому подобное.

Вы спросите: «К чему это я?» А все к тому, что именно такие мысли появились у меня, внимательного, вроде бы, читателя, когда я с большим интересом прочел новый сцена-

рий моего доброго друга и соратника, театрального режиссера и актрисы Светланы Волошиной-Андрийчук. Ее новая арт-инсценировка с первой же страницы задала мне прямой и беспощадный вопрос: «Что есть первоэлемент искусства?» Иными словами, знать бы с чего начать, стал бы гением.

А, действительно, в чем скрывается та великая тайна, тот первоисточник, заставляющий любого художника в один прекрасный миг шагнуть в бездну (или в высь – кого куда) творчества? Набраться сил, взять да и макнуть перо в чернила, развести на палитре краски? Прямого ответа нет.

Тем сильнее и неожиданнее впечатление от темы, взятой на этот раз автором вышеупомянутой инсценировки. Мне посчастливилось знать Светлану в разных творческих ипостасях: как тонкую актрису, живо и точно чувствующую любой художественный материал, как глубокого и мудрого театрального режиссера, умеющего досконально и безошибочно препарировать великую и не очень драматургию, как неумолимого в каждой важной для дела мелочи сценографа, как непредсказуемого интерпретатора костюмов и декораций. За всем этим стоит очень грамотный, компетентный и ответственный художник, каких сегодня очень мало. Я видел ее в застольный период работы над текстом и на репетициях, мне довелось быть даже ее партнером по сцене...

Все это я к тому, что до недавнего времени мне казалось, что я неплохо знаю этого человека. Но, как оказалось, я ошибался. Неисчислима глубина колодца, хранящего мириады

звезд! Тому пример – сегодняшняя работа режиссера с новым материалом – картинами и личностью художника Искандера Ильязова.

Так где же тот первоэлемент, та первопричина, заставившая так точно и гармонично в очередной раз слиться изобразительное искусство с театром? Где тот божественный импульс, обративший внимание одного художника на творчество другого? Или это частный случай, и причина в творческом поиске и широте воображения режиссера? Словом – где эта точка отсчета, этот первоэлемент?

Пожалуй, хватит истязать себя вопросами. Тем более, что исчерпывающего ответа на них можно так и не дожидаться потому лишь, что слишком прозрачна и неуловима невидимая ткань вдохновения. Алгеброй гармонию постичь дано только избранным.

На сцене оригинальная конструкция, в духе декораций конструктивизма, олицетворяющая материальную суть геометрических построений в пространстве. В ней видны параллельные и пересекающиеся в точках прямые, прямоугольные фигуры и углы. Над сценой незримо витает дух основоположника направления абстракционизма – В. В. Кандинского. На подмостках два человека – Он и Она: Художник (самый настоящий) и неуловимая Точка, первоэлемент. Все действие спектакля – это их взаимоотношения, постепенное погружение в атмосферу непонятого, на первый взгляд, жанра. Время – начало века: имажинизм, новые

формы, «корабль истории»... Из узнаваемых «декораций» – только одна «бродячая собака», та самая, которая вскормила и вывела в свет многих из тех, кто сегодня олицетворяет эпоху революции в искусстве.

Как же сложно говорить об этом простым, не соответствующим духу, языком. Наверное, так же сложно, как с первого раза понять художника (того же Кандинского). Да, это глыба, это явление, хотя и небесспорное. И тем ответственнее миссия режиссера и исполнителя, взявшихся за эту расшифровку. Одно дело любоваться звездами в отражении на дне того же колодца, и совсем другое – взлететь этим звездам навстречу, приблизиться к ним. Тут нужна особая решительность и полное отсутствие страха за провал подобной экспедиции.

Именно поэтому такое пристальное внимание к личности Художника. В ход идут все средства – его письма и дневники, размышления и, конечно же, – самые настоящие полотна. Что стоит за их созданием? Как принимало нового собрата творческое сообщество? Эти и другие вопросы раскрываются прямо на глазах зрителей, оглашаются, что называется, из первых уст.

И как же важно во всем этом сценическом исследовании не погрузиться в запредельные дебри культурологии, не упиться нектаром собственного всезнания и причастности к чему-то непонятному, но бесконечно великому, не взмыть над серой рутинной жизни. Соблазн велик. Но велико и креп-

ко чувство меры режиссера. К ее чести, спектакль, казалось бы, по своей сути направленный в заоблачную высь элитарного искусства, предстает не набором громких эпохальных цитат и отсылок, а вполне живым и понятным действием. Не случайно реплики героя то и дело перемежаются знакомыми простому обывателю поговорками и анекдотами. Воистину, не боги горшки обжигают. И тем ценнее суть сценического исследования, если видишь перед собой не забронзовевшего последователя мэтров далекой эпохи, а живого человека с его страстями и заблуждениями. И снова, в очередной уже раз, дивишься таланту постановщика, сумевшего соблюсти такой точный и определяющий баланс между реальностью и великой химерой искусства.

А может дело в незримой помощи великих? Того же Кандинского, основы учения которого легли в основу сценарной канвы? Или Брехта, выведшего в свое время тайну театра на городскую площадь и сделавшего ее (эту тайну) доступной и узнаваемой? Так или иначе, но есть в этом спектакле что-то непостижимое, что-то влекущее, разжигающее любопытство, после чего уже не сможешь вот так запросто спросить режиссера: «Какая собака тебя укусила?», ибо понимаешь, из какого животворящего сосуда посчастливилось ему пригубить. Но и предостеречь нелишне – не стоит пить больше, чем нужно, ибо эта тема не просто «вино Гертруды», а нечто большее – вода великой реки познания!

Хочется поздравить Светлану Волошину-Андрійчук с

успехом! Удивительно, но она сумела не только в очередной раз приблизиться к Великой тайне бытия, но и, что немаловажно, обратить в свою театральную веру еще одного талантливого человека, на этот раз – художника. Его точка, по крайней мере, на этой сцене благополучно может превратиться в линию судьбы.

«Нас мало избранных»...

Николай Прокофьев,

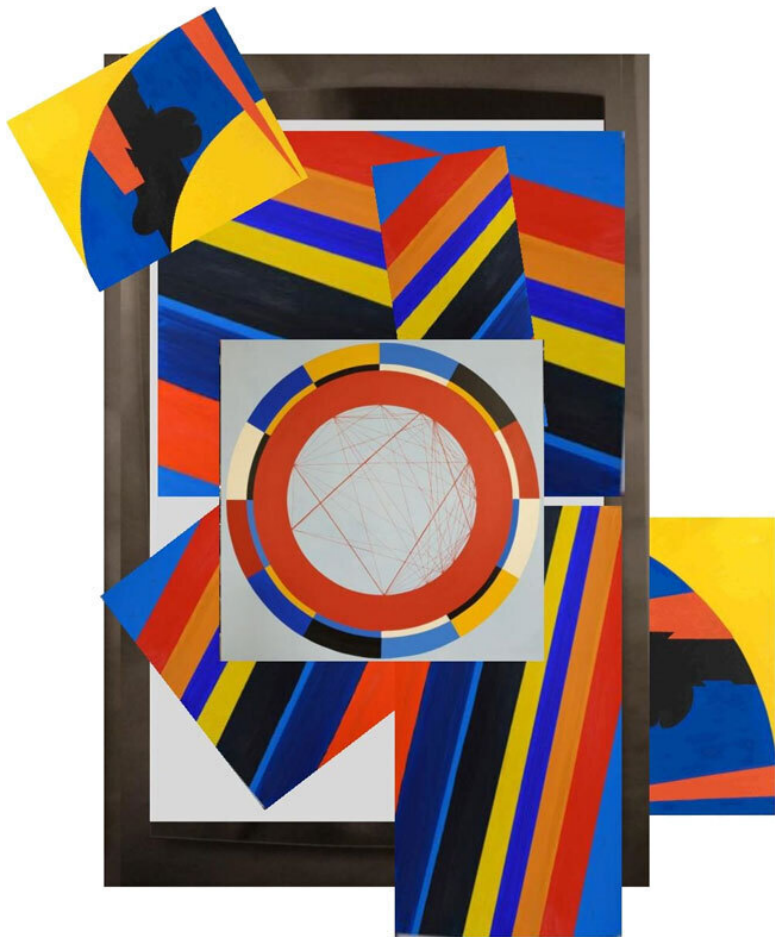
литературный редактор,

писатель, поэт, член московской городской организации

Союза писателей РФ

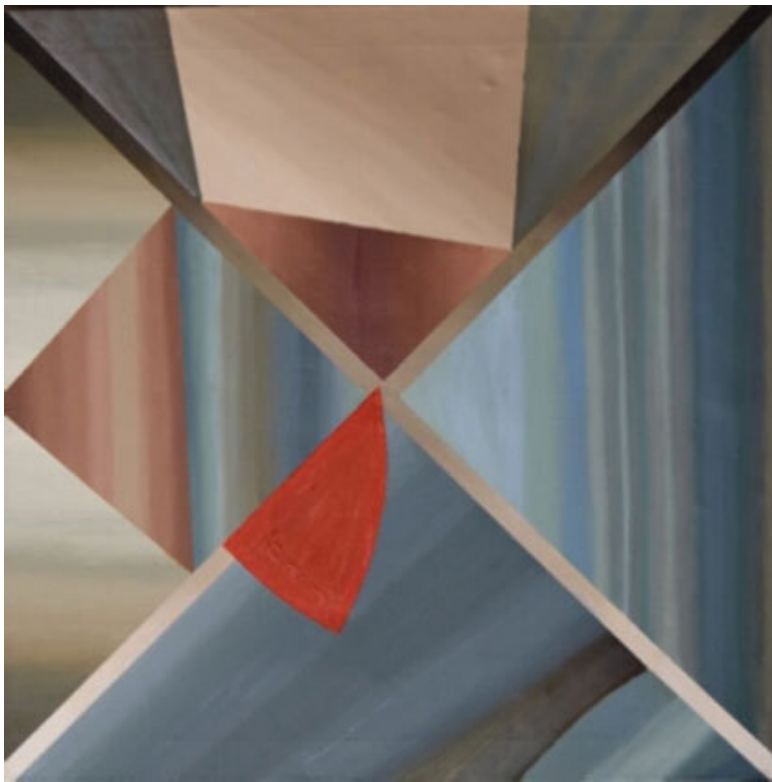
«НАС МАЛО ИЗБРАННЫХ...»

(А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери»)

Коллаж по композициям ИСКАНА № 29 (50×70 10 stripes); № 70 (OK but sketching first 54×65); № 320 (horoscope 100×100 23-08-2020 acr red ring oil)

**Живописные картины
(композиции) художника-
абстракциониста Искандера
Ильзова (ИСКАНА)**

*(использованы в оформлении сборника
и для составления коллажей)*

ИСКАН. Композиция № 24 Porsche Giulietta 70×70

Список композиций Искана Ильязова

Идея и дизайн коллажей Светланы Волошиной-Андрейчук

Коллаж «Детские СНЫ под ЗОНТОМ Оле-Лукойе» (по композициям ИСКАНА):

№ 152 (50×40 pink circles + dark nebula); № 254 (NL 40×40 3violet 1body turq triangle)

Коллаж и «ПЁСТРЫЙ ЗОНТ Оле-Лукойе» (ВОЛШЕБСТВО – рис. 1, 2) и «СКАЗОЧНЫЕ КАРТИНКИ» (ВЕТЕР СНОВ ОЛЕ-ЛУКОЙЕ – рис. 1, 2) – по композициям ИСКАНА:

№ 161 50×70 greens lylacs lyr abstr

№ 260 GONE 60×70 ty 4blue 4violet 4mic turq 1yellow

Коллаж «АЛМАЗНАЯ ГРАНЬ» (по композициям ИСКАНА):

№ 34 50×60 ETNA red ribbon black white peach 1-blue; № 77 in FR ty12 1black 60×60; № 116 ty 50×50 blue Center yellow)

Коллаж «ТЕОРИЯ КАНДИНСКОГО» (по композиции ИСКАНА):

№ 312 (80×60 yellow square on greengrey rhythm)

Коллаж «ТОЧКА – основа МИРОЗДАНИЯ» (по композициям ИСКАНА):

№ 76 (inFR 3grey 2halfmoons 65×80–5); эскиз к работе

Коллаж «НАС МАЛО ИЗБРАННЫХ...»

(по композициям ИСКАНА):

№ 29 (50×70 10 stripes); № 70 (OK but sketching first 54×65);

№ 320 (horoscope 100×100 23–08–2020 acr red ring oil)

На обложке живописные композиции

№ 25 GONE (70×90) whirlpool

№ 45 black grey yellow orange strip (50×60) CoCard

Все изображения в этой книге являются собственными авторскими работами Искандера Ильязова и Светланы Во-лошиной-Андрійчук и фотографиями из их личных архивов.

Светлана Волошина-Андрийчук, Искандер Ильязов
Николай Прокофьев

БЕШЕНАЯ СОБАКА ИСКУССТВА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

